

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ПЕРЕЛОМЫ

Открывая «Переломы», знаете, что бессонная ночь вам обеспечена. Виртуозно манипулируя вашим вниманием, Тилье искусно плетет свою паутину, и рано или поздно вы сами становитесь его жертвой...

Le Point

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье Переломы

Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17037021
Франк Тилье Переломы: Иностранка, Азбука-Амтикус;
ISBN 978-5-389-14339-5

Аннотация

Как известно, ненависть порождает ненависть, насилие порождает насилие. Но кто бы мог предположить, что на почве давних событий в далеких краях возникнет такой клубок запутанных человеческих страстей и безумств, как в романе Франка Тилье «Переломы»! Алиса сознает, что с ней что-то не в порядке, в памяти то и дело возникают черные дыры. Лечение у психиатра Люка Грэхема, казалось бы, должно привести к выздоровлению. Однако вокруг молодой женщины множатся странные события. Например, как объяснить, что фотография ее сестры-близнеца, умершей десять лет назад, попадала в руки беженца, скрывающегося от властей. Как понять, почему ее собственный отец напал на нее, а теперь утверждает, что пытался покончить с собой; откуда в ванной взялась окровавленная блузка; и наконец, при чем тут совершенно неподвижный голый человек, найденный на автобусной остановке? Неужто это погружение в безумие?..

Содержание

Пролог 1	5
Пролог 2	13
1	16
2	23
3	25
4	29
5	33
6	36
7	44
8	52
9	55
10	74
11	77
12	89
13	95
14	102
15	113
16	117
17	120
18	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Франк Тилье

Переломы

Franck Thilliez
FRACTURES

Серия «Звезды мирового детектива»

Copyright © Le Passage Paris – New York Editions, Paris
2009

All rights reserved

© Е. Богатыренко, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Яну

Пролог 1

Сентябрь 1982 г. Шатила, Ливан

Нищета никогда не мешает бурлению жизни. Еще вчера повсюду бегали палестинские ребяташки. Иногда мальчишки усаживались на мусорной куче напротив кувейтского посольства и, потрясая воображаемыми «калашами» и М-16, представляли себя героями.

Сегодня на улицах опасно.

Клод Дехане стремительно вбегает в подъезд семиэтажного дома. Он задыхается, в сумке у него бултыхаются фотоаппараты «лейка» и «кэнон».

Школы Сабры и Шатилы пусты, небо над Западным Бейрутом заполнено низколетящими истребителями-бомбардировщиками. В охваченном восстанием городе слышны крики, рушатся дома.

Оказавшись в безопасности, в захламленной квартире, Клод ласково ерошит густые волосы Наджат. Маленькая палестинка, стоящая рядом со старшими братьями, не улыбается. Ее мать, Малака Аббас, растирает изуродованные артритом ноги старика-отца, устроившегося на сиденье, выломанном из автомобиля. Сплошь и рядом палестинские жертвы остаются безымянными. Но на этот раз у людей есть лица.

Труженица-мать немного говорит по-французски – язык

преподают в школах БАПОР¹.

– Они ищут фedaинов. Войска Катаиба и израильтяне перегородили дороги танками. Они придут сюда. Тебе надо спрятаться. Быстрее!

Она встает и указывает на встроенный шкаф: если открыть дверцу, за ней обнаруживается дыра в стене, достаточно большая, чтобы в ней, скорчившись, поместились два человека.

– Забирай туда с собой все вещи, – добавляет она, обернувшись. – И сиди там. Наджат принесет тебе воду и рис.

Клод поглаживает короткую черную бородку. Кудрявые волосы, серые мягкие башмаки, светло-голубая льняная рубаша делают его очень похожим на местного жителя.

– Нет-нет. Вам самим надо спрятаться. Хотя бы детям.

– Мы-то ничего не боимся. У нас нет оружия. Им нужны фedaины. Все фedaины. Ты журналист, к тому же европеец. Если тебя найдут – будут пытаться, а потом прикончат.

От грохота выстрелов у Клода сводит живот. Французские десантники, американские морпехи и итальянские пехотинцы ушли из страны неделю назад. Все ограничения, все правила отступили перед наводящими ужас израильскими пятидесятипятимиллиметровыми пушками.

Дверца шкафа захлопывается. Свернувшись клубком под одеялом в дыре, замаскированной пластиковой скатертью,

¹ БАПОР – Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ.

Клод в свои тридцать два года чувствует, что умирает от страха, как ребенок. В конце концов, измученный, он забывается сном.

Ощущение, как будто в голове взрывается лампа. Клод внезапно просыпается от криков и металлического грохота. Кругом темнота.

Они там, в доме.

Топот сапог по полу, дверца шкафа распахивается. Клод, затаившись под скатертью, перестает дышать, все его тело словно окоченело. Если его найдут, ему не жить.

До него доносится запах спиртного, он слышит злобное пыхтение. Через крохотную дырочку он видит кедр, вытатуированный на чьем-то плече. Это фалангисты – боевики ливанцев-христиан. Лишенные совести дикие звери. Их главаря только что убили.

Дверца шкафа снова закрывается, но не до конца.

Журналист видит все.

Он видит, как человек превращается в животное, теряет остатки разума. И это – после стольких веков эволюции...

Клод забивается поглубже в свою нору, по его измученному лицу текут слезы, он неслышно кричит, царапает землю, пока не обдирает ногти до крови. Он знает. Знает, что происходит там, за дверью, Наджат взывает к нему.

Там гуляют, смеются, болтают, поют по-арабски с ливанским акцентом, арак так и льется в пересохшие глотки. По-

чему не вмешиваются израильские солдаты? Из госпиталя в Акко они не могут не видеть, что здесь творится! Они не могут не слышать! Клод не знает, сколько времени длилась кровавая истерия. Он видел, как рассвело, а потом опять стемнело. Ноги в носках заledenели, содержимое мочевого пузыря не раз и не два обожгло ляжки.

А потом хаос внезапно закончился, ураган унесся прочь. Когда бог знает через сколько часов после резни умирающий от жажды и голода Клод снова открывает глаза, солдат в доме нет. Терял ли он сознание? Был ли он в аду? Он не помнит.

Он чувствует боль в паху, в лопатках. Темная прядь прилипла ко лбу, он пытается ее смахнуть, а она хрустит под пальцами – на волосах запеклась кровь. Он не понимает, откуда взялись эти синяки и раны, в мозгу все перепуталось.

Он выбирается из своей норы. В доме все замерло.

Клод не понимает, что означает эта тишина. Он не плачет, он не может заплакать. В шахтерском поселке отец порол его ремнем, когда он хныкал. Тело горело от ударов.

И все же, выйдя на улицу, где солнце обжигает лицо, он разражается рыданиями. И вдруг он видит Наджат. Наджат стоит там, среди мертвых тел. Она колышется под жаркими лучами, она тянется к Клоду, зовет его. Он бежит к ней – но руки сжимают лишь рваную тряпку, развевающуюся под порывами пахнущего гнилью утреннего ветра.

Он бродит по улицам среди завалов, присоединяется к группе журналистов, приехавших из Иерусалима, военных

корреспондентов, горстке выживших. На порогах домов, на ступенях мечетей, в школьных дворах лежат горы трупов. Над ними кружат рои мух, стаи птиц. Уцелевшие женщины ищут мужей и сыновей. Он видит разрушенные семьи, оборванные жизни, сметенные чьей-то злобой.

Все в нем рухнуло. Все убеждения, все ориентиры. Каждый труп напоминает ему о Наджат. Можно закрыть глаза, заткнуть уши, но это не помогает. Малышка так и стоит неподалеку, стоит только руку протянуть. И она так громко кричит! Он всегда будет чувствовать на себе ее взгляд, это ощущение – словно инородное тело в голове, от которого невозможно избавиться.

Он видел, как они умирали, и не вышел из своей норы.

Когда самолет Красного Креста взлетает из аэропорта Дамаска, Клод прижимается лбом к иллюминатору. Он знает, что зло существует.

Он видел его в лицо. Без грима, без прикрас.

Спустя какое-то время Клод Дехане выходит из самолета в аэропорту Орли. Он не улыбается, но и не плачет. Он не рассказывает о драме, пережитой в Ливане. Никому. Воспоминания постепенно рассеиваются, как пыль, поднятая колесами армейского броневика. Но какие-то сцены по-прежнему сжигают его изнутри.

По словам властей, во время бойни в Сабре и Шатиле на территории лагерей не находилось ни одного европейца, ни

одного американца, вообще никого из иностранцев. По данным различных источников, число убитых гражданских лиц составляет от пятисот до пяти тысяч человек. Основные орудия убийства? Ножи и кинжалы.

Но зато Клод и смеется, и плачет, когда 29 сентября 1982 года, в Михайлов день, его жена разрешается от бремени. Выложенные кафелем стены, в которых он провел несколько минут, кажутся ему самым прекрасным в мире зрелищем.

В детской палате его внимание привлекает только одна девочка. Он прижимает ее к сердцу, совершенно не обращая внимания на плач другого младенца, который точно так же нуждается в ласке.

Клод сделал выбор. Он держит на руках вернувшуюся Наджат. Он уже знает, что будет любить этого ребенка так, как не любил никого на свете.

У него хранится прядь темных волос маленькой палестинки. Он уже и не помнит, как она у него оказалась, и предпочел бы от нее избавиться, но почему-то никак не получается.

Он так и не достал со дна сумки свой репортаж о конфликте в Ливане и ушел с работы.

В голове у него по-прежнему звучат автомобильные гудки, шум толпы, скрежет колес по рельсам, сливаясь в грохот танков, идущих прямо в ад. Он видит себя летящим над горами трупов, рукой он дотрагивается до замученных людей, возвращая их к жизни. Как бы ему хотелось...

Ему больше не хочется задыхаться в Париже, не хочется

видеть вокруг себя тени, не хочется жить в условиях, над которыми он не властен. Все вокруг стало опасным.

Он ищет покоя, того покоя, который окружал его в детстве, ему нужен свежий ветер, под порывами которого стелются травы и гудят ветки деревьев, он хочет вспомнить, как свободно дышал отец до того, как его сразил силикоз.

Продав квартиру в Девятом округе, он покупает маленькую фламандскую ферму на севере страны, откуда он родом, и перебирается туда. Благодаря прошлым работам его банковские счета в полном порядке.

Свои репортажи и прядь волос он прячет в сарае на ферме. Выбросить их выше его сил.

Его жена Бландина без труда находит место медсестры в больнице в Аррасе. Вообще-то, ей не очень нравится на севере, где нечем заняться, кроме работы. К тому же ферма находится в двухстах метрах от немецкого кладбища, где похоронено больше тридцати шести тысяч солдат, убитых во время Первой мировой. Окно одной из спален выходит на роскошный вяз, посаженный в 1918 году, а за ним тянутся бесконечные ряды темных крестов. Мрачное зрелище...

Вот так Клод изменил свою жизнь, с той же легкостью, с какой журналист меняет тему своих статей. Просто перевернул страницу.

На этой спокойной и безмятежной земле кошмары постепенно рассеиваются. Клод, прежде никогда не считавший себя верующим, начинает читать Библию, молиться. Ему хо-

рошо в кругу семьи, он чувствует себя счастливым.

И все же он знает, что после Ливана что-то в нем сломалось, его преследуют какие-то травмы. Исчезло сексуальное влечение, он было обратился к врачу, но потом резко прервал лечение. Бландина принимает это с трудом, но все же принимает. Она любит своего мужа.

Внешне все выглядит очень просто.

На самом деле все очень сложно.

Пролог 2

Прошли годы.

Сад. Уютный семейный домик. За высокими деревьями, окаймляющими квадратную лужайку, простирается кукурузное поле.

Кто-то наблюдает в бинокль за ребенком, играющим среди высокой травы в мяч. Красный мяч.

Мальчуган видит, что приехал отец, и бежит к нему:

– Папа, поиграем в футбол?

Александр запирает машину и нежно целует сына.

– Завтра. Сегодня папа много работал.

– Ты всегда говоришь «завтра»!

– На этот раз я тебе обещаю. Завтра, ладно?

Он гладит ребенка по голове и входит в дом, не закрыв за собой застекленную дверь.

Мальчик продолжает кидать свой красный мяч о стенку. Наблюдатель не сходит с места. Он ждет.

Позже в тот же вечер. Со вкусом обставленная комната на втором этаже. Окно в торцевой стене выходит на кукурузное поле.

На первом этаже в темноте притаился человек с биноклем. В одной руке он держит дубинку-электрошокер, в другой – шприц со снотворным. За его спиной – закрытая за-

стекленная дверь.

Александр в спальне натягивает пижаму. На его правой щиколотке видна татуировка в виде головы волка.

Он забирается под одеяло, его жена Карина выходит из ванной, ложится и прижимается к нему. Она начинает ласкать его, он целует ее в губы и нежно отстраняет ее руку.

– Завтра, милая, сегодня мне надо отдохнуть. Подыхаю от усталости.

– Завтра, вечно завтра! А если бы никакого завтра не было?

– Мы бы этого не узнали.

– Чего – этого?

– Если бы завтра не было, мы бы этого не узнали.

Лампа гаснет.

На следующее утро.

Какой-то толчок, словно земля содрогнулась.

Карина с трудом открывает глаза. В горле пересохло, у нее такое ощущение, словно она проглотила мешок цемента. Голова кружится. Она вспоминает. Страшная боль в спине, невозможность пошевелиться. Потом – черная дыра.

Она начинает различать какие-то звуки.

– Ой! Мама! А как же мой футбол?

Карина встает, она чувствует, что нервы на пределе. Какой футбол?

Ее сын Тео смотрит на нее с упреком:

— Папа обещал пойти со мной. Его машина на улице. А где он сам, ты не знаешь?

1

Понедельник, 8 октября 2007 года. Через двадцать пять лет после резни в Сабре и Шатиле.

Лаборатория экспериментальной психологии, Национальный центр научных исследований, объединенная исследовательская группа 8768, Булонь-Бийянкур

– Тест закончен.

Алиса Дехане собирается выйти вместе с остальными, но психиатр преграждает ей путь:

– Нет, не туда. Они закончили, а вы нет. Остался последний тест, самый важный для нас.

Алиса чувствует себя неуверенно. Эта лаборатория, эти странные аппараты, люди в халатах...

– Хорошо, доктор. Вы останетесь со мной?

– Конечно.

Теперь ее окружают какие-то странные электронные приборы. Доктор Люк Грэхем предлагает ей сесть перед компьютером с огромным дисплеем. Алиса подчиняется, ее голубые глаза задерживаются на проводах, идущих от многочисленных датчиков. Она сжимает кожаные подлокотники. Блузка промокла от пота. Психиатр наносит гель на белую ленту с тремя датчиками – синим, черным и желтым. Он подносит

ленту к ее левой щеке:

– Это устройство позволит мне измерить частоту напряжения ваших мышц. Его надо наклеить на грудь, и я смогу оценить работу сердца. Просуньте его между пуговицами блузки. Вот так... Спокойно...

Алиса подсовывает клейкую ленту под блузку и прижимает ее между грудями.

– Все.

– Отлично. Еще несколько штук. Вот эти – самые забавные... Дайте-ка мне левую руку.

Люк Грэхем надевает ей на руку перчатку, своего рода усовершенствованную митенку, и объясняет, что электроника позволит ему измерить проводимость кожи, температуру тела и объем артериальной крови. Пояс, который она надевает на живот, даст возможность контролировать ритм дыхания.

Алиса вытягивает руку и шевелит пальцами, она взволнована, но ей интересно.

– А для чего все эти... приборы, доктор? Ведь это происходит у меня в голове, а не снаружи.

– Подсознательное создает ваши эмоции, а они проявляются в совокупности биологических сигналов. Пересохшие или влажные губы, изменение ритма сердца, напряжение и расслабление мышц... Вот это я и собираюсь записать. Надеюсь, непосредственно перед тем, как наступит ваша черная дыра. Понятно?

– Понятно. А в этот раз вы мне покажете записи?

– Подождите, Алиса, подождите. Не будем торопить события, мы уже так близки к решению.

Он сжимает ее запястья:

– Вы ведь тоже в это верите, и поэтому все сработает. У нас все получится.

Она улыбается:

– Я верю вам, доктор.

Он объясняет ей, как будет проходить эксперимент. На экране будут чередоваться изображения – нейтрального содержания, приятные и неприятные. Алисе предстоит реагировать, нажимая кнопки, соответствующие ее ощущениям. Кнопки «+», «—» или «?». В любом случае главное – отвечать не задумываясь.

Люк осторожно прислоняет голову пациентки к спинке кресла, потом надевает на нее подбородник. Мышцы на шее молодой женщины напрягаются, пальцы стискивают подлокотники. Люк Грэхем дает четкие инструкции:

– Во время эксперимента важно не двигаться. Картинки, только картинки. Больше ни о чем не думайте. Все будет хорошо.

Он в последний раз регулирует приборы.

– Некоторые изображения будут душераздирающими, они могут вызвать тошноту или недомогание. Дело в том, что организм компенсирует резкие изменения физиологического состояния снижением давления. Это называется «бароре-

цепторный рефлекс». В таком случае резко напрягите все мышцы. Через час мы уедем из Парижа, и вы вернетесь домой. Я выйду из комнаты, но буду позади вас, хорошо?

Алиса кивает и поправляет маленькие очки в коричневой оправе.

Из микрофона слышен голос. Это доктор. Алиса пытается повернуть голову, чтобы увидеть, где он, но для этого ей пришлось бы вырвать все провода.

– Начнем с нескольких пробных картинок, чтобы убедиться, что вы все поняли. Не двигайтесь.

Психиатр, не оставляя своего наблюдательного поста, поворачивается к сидящему слева коллеге:

– Ты бы оставил меня с ней.

– Она из твоей клиники?

– Нет. Из частной практики.

Благодаря мини-камере, скрытой в корпусе компьютера, один из директоров лаборатории экспериментальной психологии, Марк Броссар, видит лицо Алисы. На других экранах мелькают ряды цифр и кривые: это биометрические параметры пациентки.

– А она миленькая. Хороший выбор.

Люк Грэхем улыбается:

– Прекрати...

Он нажимает кнопку, система выдает серию изображений. На дисплее в случайной последовательности возникают символы, совпадающие с кнопками «+», «—», «?». Алиса все

поняла, она правильно реагирует и отвечает. Люк Грэхем поворачивается к Марку Броссару. В его серо-голубых глазах читается полная уверенность.

– Ну все, теперь оставь нас. Эту работу мы с ней должны проделать с глазу на глаз, она мне доверяет.

Марк Броссар не противится, узнать что-то еще ему все равно не удастся. Он выходит через дверь, расположенную за контрольным пультом, и закрывает ее за собой. Психиатр встает и запирает дверь. Зажигается табло: «Идет воспроизведение».

Люк Грэхем вводит в компьютер тысячи изображений из базы данных МАСИ² и с помощью специальной программы убирает семьдесят процентов картинок нейтрального и позитивного содержания, оставляя только самые страшные.

Он собирается ввести в Алисин мозг максимум негативной информации и делает это вполне сознательно. Он хочет запугать ее в интересах лечения, а не просто так.

Не отрываясь он смотрит на глаза Алисы на мониторе, на эти глаза невероятного фарфорово-голубого цвета, который он так хорошо изучил. Дойти до конца, но ради нее...

Он вводит программу в память компьютера.

Белый дисплей. Алиса не теряет терпения, это упражнение монотонное, но не сложное. Надо просто выбрать нужную кнопку, доверившись своим ощущениям.

На смену «+», «—», «?» приходят настоящие изображе-

² МАСИ – Международная аффективная система изображений.

ния. Тест начался.

Вначале появляется пустой стул в центре синей комнаты. Алиса нажимает «?». Следующая картинка. Ребенок ведет на поводке спаниеля. Алиса улыбается. Ей кажется, что она действительно видит рядом с собой эту собаку, что та прижимается своим черным носом к ее лицу.

Звучит сигнал. Алиса спохватывается. Конечно, теперь она нажимает «+». В детстве у нее был спаниель Дон Диего...

Операция на открытом сердце, тройное шунтирование. Алиса вздрагивает, но подбородник удерживает ее на месте. Через две секунды она нажимает «—». Очень неприятно. Психиатр отмечает внезапное ускорение сердечных сокращений.

Готовый к нападению медведь с выставленными вперед когтями. Зубной врач за работой. Искалеченный на войне человек. Алиса дышит с трудом, на шее быстро бьется пульс, на коже выступили капельки пота, ощущения путаются.

Следующая обойма. Раны, катастрофы, болезни. Удары ножом. Алиса дрожит, сердце толчками выбрасывает горячую густую кровь. Она продолжает бороться. Тест, пройти тест, ради доктора, ради лечения. Все плохо, плохо, плохо, плохо, плохо... Она напрягает все мышцы, еще немного — и у нее начнутся судороги. Вокруг нее больше ничего нет. Она где-то плывет. Фотографии мелькают все чаще. Плохо, плохо.

И вот новая картинка. Что-то чудовищное.

Алиса обоими кулаками давит на кнопку «—».

Она срывает подбородник, все датчики и бросается к двери.

Со всех сторон раздается писк аппаратов. Прибегает Люк Грэхем:

– Алиса, как вы?

Молодая женщина с бешеной силой отталкивает его и бежит к выходу.

Персонал, не веря своим глазам, смотрит ей вслед. Никто не реагирует.

Когда психиатр выбегает на парковку, он видит машину Алисы, удаляющуюся со скоростью двести пятьдесят километров в час.

Сидя на крыльце своей фермы, Клод Дехане под звуки маленького радиоприемника наслаждается последними лучами солнца. Он целый день трудился на огороде и очень устал. Теперь он с гримасой растирает поясницу. Стоит хорошенько выспаться ночью – и все пройдет, а завтра все начнется сначала. Боже, он стареет. Об этом свидетельствуют потрескавшаяся кожа рук и позвоночник, все хуже переносящий нагрузку. Земля севера не прощает слабости.

Вдруг он поднимает голову и смотрит на дорогу, тянущуюся от фермы до самого горизонта. Шум мотора, потом темноту разрывает свет фар. Гости, в такое время? Наверное, Доротея, Мирабель... Или даже Алиса.

Выражение усталости на его лице сменяется удовлетворением. Он аккуратно откладывает в сторону нож, которым выкорчевывал сорняки. Рукавом вытирает рот, выключает радио, встает, берет в кухне бутылку воды и делает несколько глотков.

Потом снова садится на крыльце, ступенькой выше, поставив бутылку рядом с собой. Машина мчится по дороге с непривычной скоростью. Клод прищуривается. Темно, и он никак не может разглядеть, кто едет. Скрип шин, гравий из-под колес долетает до его ног.

Из автомобиля выходит красивая молодая женщина. Клод

слегка наклоняет голову. Алиса? Доротея? Он действительно не может разглядеть, кто это.

Все происходит с молниеносной быстротой. Никто не произнес ни слова.

Женщина хватается нож со ступенек и наносит Клоду Дехане два удара в левую сторону груди, а потом бросает оружие и исчезает.

Люк Грэхем смотрит на потрескивающие в камине дрова. Сидя по-турецки на восточном ковре, психиатр открывает коробку с материалами, собранными за год работы. Он достает оттуда магнитофонные кассеты, фотографии, ежедневники и собственный отчет, занимающий около двадцати страниц. Во всех документах речь идет об одной и той же пациентке: Алисе Дехане, двадцати пяти лет.

Где скрывается Алиса? Почему после бегства из Центра исследований она не отвечает на его звонки?

Может быть, надо было принять больше мер предосторожности. Отнестись к этому случаю как-то иначе.

Он перебирает свои записи. Все эти слова, строчки, наброски, полученные от нее великолепные рисунки и другие, куда более мрачные... Он разглядывает под лампой фотографию из базы данных МАСИ, с которой все началось. Море крови. Похоже на место преступления.

Люк кладет фотографию к остальным. Портреты, на оборотной стороне которых написаны имена и даты съемки. Он всегда фотографирует пациентов для своего архива.

С улицы доносится резкий хлопок калитки. Люк, погруженный в свои размышления, подскакивает. Это наверняка ветер.

Он кладет фотографии на низкий столик и берет DVD-

диск, на котором записан тест с использованием пугающих стимулов, проведенный в лаборатории Национального центра научных исследований. Глядя на поверхность диска, он вспоминает глаза, в которых серый цвет преобладает над голубым, пухлые щеки, тонкие, безупречно розовые губы. Ему уже сорок пять, но он хорошо выглядит, несмотря на то что курит и слегка задыхается.

Он в который раз вставляет диск в проигрыватель и в который раз заходит в тупик. Откуда берется эта мощь, эта сложность человеческого разума? Как действуют все эти защитные механизмы, в каких структурах мозга спрятаны ключи, которые позволили бы вскрыть их?

Спокойствие и сила пламени завораживают его. Ему хорошо возле огня. Субботними вечерами они с Анной и детьми всегда сидели у камина.

Снова стучит калитка в аллее. Люк застегивает последнюю пуговицу пиджака и выходит.

На улице свирепый ветер сдувает песок с дюн и гонит его на пустую дорогу. Люк опускает щеколду на калитке, у него возникает странное ощущение, что он уже делал это, когда вернулся, совсем недавно. Он перегибается через забор и осматривает улицу. Никого...

Стоя в одиночестве посередине сада, Люк поворачивается в сторону пляжа. На песке выстроились разноцветные кабинки. Северное море мирно спит в своей серебряной постели. Слева – Дюнкерк, справа – бельгийские курорты. Ему

так нравилась эта картина, когда Артур и Ева тянули его за руки и звали играть на берегу. Где-то там, среди дюн, еще живут отголоски их смеха.

Он возвращается в дом, опускает жалюзи и теперь идет, ориентируясь только на дрожащий огонь. Алиса... Бездонная голубизна ее глаз, ее белая кожа, ее взгляд, беспокойный, словно кипящая вода. Алиса... Единственная, кто занимает его мысли долгими ночами.

Через десять секунд он поднимается на второй этаж и заходит в кабинет. Он поворачивает ручку двери, но не выпускает ее. Потом с грустным вздохом распахивает дверь так, что она ударяется о стену. Скверная привычка.

Зажав зубами сигарету, он включает компьютер, щелкает по папке с данными, относящимися к Алисе:

Доктор Люк Грэхем. Обобщение данных. В процессе работы.

Пациентка Алиса Дехане.

Таблицы, графики, анализы: эти двадцать страниц содержат почти готовое решение. Еще несколько дней, несколько недель, и Алиса могла бы выздороветь. Люк начинает формулировать выводы на основании опыта Национального центра научных исследований.

Снизу доносится треск. Люк бросается на первый этаж. Сердце колотится все быстрее.

Застекленная входная дверь открыта. Какая-то тень бежит в сторону дюн.

Он поворачивается к низкому столику, потом к DVD-плееру. Аппарат открыт.

Кто-то украл фотографии и диск с записью теста.

И он считает, что ему известно, кто это сделал.

Доротея Дехане...

Жюли Рокваль крутит ручку автомагнитолы и в конце концов останавливается на песне «Boys Don't Cry»³ группы «The Cure». «The Cure» в семь утра... Лучшее средство, чтобы побыстрее преодолеть пятьдесят километров от Лилля до Бетюна. В памяти всплывают вылазки в ночные клубы двадцать с лишним лет назад. Боже мой, двадцать лет...

Дороги, ведущие в другую сторону, в направлении столицы Фландрии, постепенно заполняются машинами, рабочий люд просыпается. Жюли зевает, трет глаза. Она выбилась из сил, но не жалеет о беспокойной ночи. Последние двенадцать часов, проведенные вместе с ночной сменой экстренной медицинской помощи, были очень тяжелыми, но они еще больше сблизили ее с теми, кто, как и она, пытается решать проблемы улицы. Служба скорой помощи, пожарные, полиция... Получив должность социального сотрудника психиатрического отделения больницы Фрейра при Клиническом центре в Лилле, Жюли каждую неделю, накануне выходных, выезжает на вызовы со специалистами, с которыми сталкивается на работе. Достаточно ночью поболтать с парнями о футболе, девушках и тачках, и потом будет гораздо легче, когда тебе придется просить их о какой-то услуге

³ «Мальчики не плачут» (англ.).

или узнавать номер телефона.

Под томные рулады Роберта Смита Жюли проезжает круговой перекресток, сворачивает с трассы и едет в направлении Ильеса. В Ильесе есть футбольный стадион, церковь и несколько домов. Жюли срезает путь, пользуясь местными дорогами, это позволяет не проезжать через город с его бесконечными светофорами. Когда она просила о переводе во взрослую психиатрию, она еще не знала, что ежедневная дорога будет отнимать столько сил. Кстати, вот уже несколько недель она всерьез подумывает о переезде. Поменять свой большой дом на квартиру под Лиллем. К тому же в Бетюне за последние месяцы стало так пусто.

Прямо перед собой, посередине дороги, Жюли видит женщину, которая машет ей рукой. Она притормаживает, останавливается у обочины, выходит из темно-синего «рено-клио» и поднимает воротник бежевой куртки, чтобы укрыться от холода. Сильный северный ветер треплет ее светлые волосы, постриженные под каре.

Женщина бежит к ней. С резиновых сапог слетает налипшая земля.

– Пойдемте туда, на автобусную остановку! Там мужчина, совершенно голый. Я его увидела со своего поля. Наверное, надо бы... не знаю... отвезти его в больницу?

Жюли бросается к бетонному навесу. На земле, скорчившись, лежит мужчина, действительно совершенно раздетый. Ноги накрыты одеялом песочного цвета с голубыми полос-

ками. Жюли садится перед ним на корточки:

– Месье?

Никакого ответа, никакой реакции. Ярко-голубые глаза мужчины устремлены в никуда. У него длинные грязные волосы и взлохмаченная борода. Он похож на жертву кораблекрушения.

– Я уже пыталась поговорить с ним. Он не отвечает, не двигается. Можно подумать, он умер...

Но он все же дышит. Его грудь поднимается, хотя и почти незаметно. Жюли быстро осматривает его в поисках ран и синяков. На правой щиколотке она замечает татуировку в виде головы волка. Она берет мужчину за руку, и он сразу же сжимает ее пальцы. Этот жест кажется Жюли самой отчаянной мольбой о помощи.

– Мы поможем вам, хорошо?

Он не смотрит на нее. Жюли с трудом отнимает у него руку. Она встает. Изможденная рука мужчины так и остается протянутой вверх. Сотрудница социальной службы поворачивается к женщине в резиновых сапогах:

– Вы его знаете? Видели его здесь раньше?

– Никогда. Может быть, если его побрить, я бы и узнала. Потому что...

Жюли не раздумывает ни секунды:

– Помогите мне перенести его в машину. Я отвезу его в Клинический центр.

Она поворачивает мужчину на бок и приподнимает, под-

хватив под мышки. Женщина в сапогах берется за ноги:

– Господи, да он и пятидесяти килограммов не весит.

Жюли замечает на одеяле темные, почти черные пятна. Кровь? Они укладывают несчастного на заднее сиденье. Жюли вынимает из багажника дополнительные одеяла и бережно укрывает его.

Менее чем через минуту машина разворачивается и вливается в длинную вереницу автомобилей, едущих в сторону Лилля.

Где он? В постели, рядом с женой, а в соседней комнате спит сын?

Вокруг холод. И мрак.

Александр поднимается, чувствуя себя разбитым и усталым. Не в силах стряхнуть оцепенение, он на какую-то долю секунды готов поверить, что все это ему снится. Но обычно его сны похожи на бессвязное нагромождение образов, в них нет места таким ощущениям, как ветер, дующий в затылок, пощипывание в глазах, мурашки на коже. И главное, эти отчаянные позывы к рвоте.

Александр окончательно приходит в себя, когда с первого прикосновения понимает, что ему обрили голову. Рука, прикоснувшаяся к макушке, начинает дрожать.

Он делает несколько неверных шагов вперед, натывается на холодную каменную стену, потом на другую.

Решетки. Застенок. Похищение. Где-то в подкорке возникают буквы, они никак не складываются, потому что само слово кажется ему невероятным. П-о-х-и-щ-е-н-и-е.

Он упирается в металл, плечо соскальзывает, решетка не поддается. Александр скорчился в темноте, у подножия толстых стальных прутьев. Каждый стержень заглублен в пол и уходит вверх, на недостижимую высоту. Наверное, Александр находится под землей. Ему кажется, что отку-

да-то издалека, слева, пробивается луч света. Его держат не в погребке. В каком-то более просторном помещении, с длинным коридором по центру.

Передвигаясь на ощупь, он устремляется вправо. Стена, скорее всего, кирпичная, если судить по неровным стыкам. Потом камень, потом снова кирпич. Он возвращается к решетке. Довольно большое помещение, метров восемь в длину и три в ширину. Двадцать четыре квадратных метра.

Затем Александр садится и ощупывает себя. На нем одежда, которая ему не принадлежит. Комбинезон с застежкой-молнией до самой шеи.

Он ощупывает пол. В темноте его пальцы натываются на кольцо с выпуклым рисунком. На расстоянии около полутора метров влево – другое кольцо. Он продолжает искать. В общей сложности четыре кольца, очень прочные, расположенные по углам прямоугольника, вделанные в камень. Он ложится раскинув руки, будто распятый. Это соответствует о черт побери... Его запястья, его щиколотки.

Кандалы.

Александр проходит еще немного вперед, нащупывает желобок в глубине, метра три длиной, который проходит через камеру и исчезает под поперечной стеной. Он вроде бы идет слегка под уклон. И потом, этот запах... Не дрогнув, он дотрагивается до углубления пальцами, а потом подносит руку к носу. Моча. Еще не высохшая.

Он быстро подается назад, натывается спиной и затылком на решетку.

Он обрит наголо. Его волосы, его одежда, его свобода – все испарилось. Холод, мрак, страх.

Все его мысли обращены к жене и сыну. Он вспоминает звук их поцелуев, он видит и слышит, как отскакивает от стены красный мячик, он любит солнце над кукурузным полем, а потом вспоминает, как нырнул в кровать. Чтобы проснуться здесь.

«Завтра поиграем в футбол. Обещаю...»

Александр пытается определить размер коридора, потом, прижавшись лбом к решетке, несколько раз восклицает: «Ох!» Его голос эхом отдается где-то вдали. Подземный лабиринт. Он может кричать сколько угодно, тут, наверное, полная звукоизоляция. Он имеет дело не с новичком, а с кем-то весьма опытным.

Чего же от него ждут?

Отделение скорой помощи клиники Роже Салангро в самом центре огромного больничного комплекса, раскинувшегося на несколько гектаров... Усталые лица, раздраженные люди, не понимающие, почему им приходится ждать. За неимением места больные на каталках лежат прямо в коридорах. Среди них и неизвестный с автобусной остановки, он так и не изменил позу, в которой его оставили санитары. Жюли гладит его по голове, разговаривает с ним – она знает, что он ее слышит. Она пытается ободрить его, объяснить, что врачи вот-вот займутся им, что она придет проведать его завтра.

Жюли заходит в маленький кабинет за приемным отделением, забитый папками с документацией. Заведующая отделением Мартина Канвас, измученная ночным дежурством, приветствует ее усталой улыбкой. Они с Жюли почти ровесницы, обеим около сорока, и они прекрасно ладят друг с другом.

Жюли рассказывает о случившемся, и привезенного ею человека быстро передают в руки травматолога. Она просит также, чтобы его осмотрел психиатр и чтобы ее держали в курсе происходящего.

Прежде чем уйти, она на минутку заходит в соседнюю комнату, своего рода пристанище для службы экстренной

психиатрической помощи: складная кровать, простой сосновый стол и стулья, окно, выходящее на парковку. Пятнадцать квадратных метров, предназначенных для дежурного психиатра. Сегодня там дежурил Жером Каплан, интерн второго года в клинике Фрейра. Он как раз повесил халат и натягивает вылинявшую джинсовую куртку. Он улыбается, увидев Жюли, они пожимают друг другу руки. Каплан высокий, худой, у него красивые темные волосы, а главное – он на десять лет моложе ее. Ему всего двадцать семь. Она, в свою очередь, вежливо улыбается:

– Ну, как прошло дежурство?

– Сегодня спокойно... Один шизик и одна попытка самоубийства. Кстати, хорошо, что вы здесь.

Жюли машет рукой в сторону парковки за его спиной:

– У меня выходной, я просто заехала. Завтра, ладно? Хочу поехать поспать.

– Я тоже. Но это ненадолго.

Жюли вздыхает:

– Ну ладно...

Она показывает на фиолетовую кружку, стоящую среди других кружек с инициалами:

– Люк Грэхем на месте?

– Нет, сегодня он не дежурил.

Люк Грэхем, как и остальные психиатры Регионального клинического центра, работает в клинике Фрейра, в трехстах-четырёхстах метрах отсюда. Однако он регулярно берет

ночные дежурства в отделении скорой помощи Салангро, где занимается больными, поступающими по поводу скорее психиатрических расстройств (срывов, буйного или антиобщественного поведения), чем травм.

– Вы хотите повидаться с ним по какому-то конкретному поводу?

Жюли сует руки в карманы куртки.

– Нет-нет... Я просто... увидела эту фиолетовую кружку. Каплан, судя по всему, понимает.

– Ах да, история с этим больным... Вы знаете, что вся скорая помощь уже в курсе?

Конечно. Буйнопомешанный, размахивая фиолетовой кружкой, запер сотрудницу социальной службы и психиатра, застав их за разговором в этой самой комнате, – такое не может пройти незамеченным.

– Я бы предпочла, чтобы об этом не говорили.

– Здесь стены такие же тонкие, как в больнице Фрейра.

Каплан открывает историю болезни:

– Ну так вот, больного зовут Клод Дехане, ему пятьдесят семь. Доставлен сюда бригадой скорой помощи прямо из Арраса. Два удара ножом в грудь.

– А что, в Аррасе нет больницы?

– Есть, но эти ножевые ранения... он сам себя порезал. Они сразу же подумали о Фрейра, решили, что у больного расстройство или нестабильность психики. Проблема в том, что Клод Дехане хочет уйти. Он психиатров на дух не вы-

носит. И удержать его невозможно. Поведение совершенно неагрессивное, он в полном сознании, мыслит логично...

Жюли берет историю болезни, надевает очки и читает по диагонали:

– «До восемьдесят второго года – известный репортер... Живет на ферме под Аррасом... В конце восемьдесят второго консультировался у психиатра в больнице Святой Анны... Добровольный курс лечения, прерванный через пять недель... Лечение у психиатра по поводу... – она прищуривается, – торможения полового влечения, а также психической травмы, полученной во время резни в Сабре и Шатиле, в Ливане».

– Судя по всему, он был там в качестве репортера... Наверное, все видел.

– Хм... А известно, почему он прервал лечение?

– Нет.

– Дети? Жена?

– Это не указано. А он не очень-то разговорчив.

Она отдает ему историю болезни и снимает очки.

– А вы сами думаете, что ему следует провести несколько дней во Фрейра?

– Попытка самоубийства в его возрасте – неважный симптом. Велик риск, что, как только он выйдет, повторит попытку.

Жюли показывает на кофеварку:

– Сделаете мне покрепче, и сходим к нему?

– Отличная штука эта ваша кофеварка. Повезло вам.

Жюли одобрительно улыбається:

– Стоит всего ничего, а служит вечно.

Каплан наполняет фиолетовую кружку и протягивает ее Жюли. Выпив кофе, они идут к лифту. Жюли поправляет волосы перед зеркалом.

– Завтра мне все-таки придется зайти в отделение Люка Грэхема. Я привезла в скорую больного, вполне вероятно, его переведут в Фрейра. Люк, надеюсь, не в отпуске?

– С тех пор как вы тут работаете, вы хоть раз видели, чтобы у Люка был отпуск?

– За последние полгода – нет.

– Он будет на месте. Но, кроме него, во Фрейра есть и другие психиатры, вы в курсе?

Дверь лифта открывается, и это позволяет Жюли выпутаться из неловкой ситуации. Она останавливается перед палатой Клода Дехане.

– Если ему не нравятся люди в халатах, вам лучше подождать меня здесь... – говорит она и входит в палату одна.

Клод Дехане, лежа на кровати, медленно поднимает правую руку и трогает толстую повязку у себя на груди.

Жюли, держа перед собой сумку, подходит поближе:

– Вам не надо бы столько двигаться.

– Кто вы? – спрашивает отец Алисы, поворачиваясь к ней.

– Жюли Рокваль. Я работаю в связке с больницей. Как бы это сказать... в общем, играю роль моста между больницей

и внешним миром.

Клод поворачивается к окну. Долгое молчание.

– Когда я смогу выписаться? У меня две коровы, они сдохнут от голода.

– Если все будет хорошо, вас выпишут дня через два-три. Не волнуйтесь за коров. Вы всегда можете позвонить, кому сочтете нужным. Как вы себя чувствуете?

– Как человек, которого ударили ножом.

Клод садится на кровати, его лицо напряжено, под черными глазами явственно проступают морщинки. Жюли тоже присаживается на край кровати и ставит сумку на пол.

– Вы припоминаете что-то конкретное?

– Ничего.

– Жалко.

Жюли встает, придвигает стул, устраивается в углу палаты. Потом достает из сумки ноутбук. Клод заинтересованно наблюдает:

– Что вы делаете?

– Простите, я занимаю вашу палату.

Больше не обращая на него внимания, она поворачивается к нему спиной и начинает изучать документы в компьютере.

Клод не сводит с нее глаз. Ему невыносимо слышать стук клавиш. Проходит несколько минут, и он спрашивает:

– Если я вам расскажу, вы уйдете?

Она не отвечает. Клод размышляет несколько секунд.

– Я ударил себя ножом вчера вечером, если вам интересно. Я сидел на крыльце, лицом к коровнику, и ударил себя прямо в грудь. Два раза, очень сильно.

Жюли опускает крышку ноутбука и поворачивается к нему.

Он повторяет ее движение и стискивает зубы. Боль просто ужасная.

– Я не знаю, что на меня нашло... Но, уверяю вас, я страшно пожалел об этом. Мне было очень больно. Я попытался привести себя в порядок в ванной. Смочил водой полотенце, чтобы смыть кровь и все рассмотреть, потом приложил его к ранам. Вроде это помогло, кровь текла несильно, ничего страшного. А потом я спокойно вызвал «скорую».

Жюли кладет ногу на ногу. Бежевые брюки приоткрывают тонкие щиколотки.

– Почему вы совершили этот бессмысленный поступок? Клод вжимается затылком в подушку и смотрит в потолок.

– Потому что... Потому что мне все надоело, я вдруг увидел все в черном свете. Какие-то мухи роились перед глазами. И... Ну что еще сказать? Нож валялся рядом со мной. Я взял его, направил себе в грудь, и вот... Объяснения нет.

– У попыток самоубийства всегда есть какое-то объяснение.

Клод поворачивает к Жюли голову, слегка улыбается, и при этом на его щеках появляются новые морщинки. Похоже на шрамы, оставшиеся от порезов при бритье.

– Какое объяснение? Призыв о помощи? Моя жена проводит большую часть времени в центре для тяжелых инвалидов. Скоро я не смогу ходить из-за болей в спине и умру в одиночестве среди холмов. Все в порядке, вы же видите?

Он сжимает губы, снова смотрит куда-то в окно, потом поворачивается к собеседнице:

– Послушайте, вы можете мне говорить что угодно... Нет, я не стану лечиться. Я не собираюсь ложиться к вам в клинику с какими-то психами. Я знаю психиатров, знаю врачей. Я всегда плыл в одиночку, с Божьей помощью.

Он указывает на телефон:

– Теперь, когда вы получили чего хотели, не могли бы вы придвинуть его ко мне и перебраться в другую комнату?

Жюли берет сумку и протягивает ему трубку:

– Мы здесь не для того, чтобы докучать вам. Вовсе нет...

Она выходит и идет к Каплану:

– До завтра, увидимся в Фрейра. Я еду спать.

– Вам не удалось его убедить?

– Он – психоригидный тип, а я всего лишь сотрудница социальной службы, а не волшебница.

Алиса вздрагивает от резкого звука. Это гудок машины на улице.

Она поворачивается. Где доктор Грэхем? Комната? Компьютер?

Вокруг нее – проходы между рядами, неоновый свет, большие витрины. Шум машин.

Она в каком-то магазине, перед ней – бензоколонки. Автозаправка.

Озадаченная, она стоит у двери. Смотрит на свои ладони, руки, ноги. Синий костюм и блузка куда-то исчезли, она с удивлением видит, что на ней – матерчатая куртка, толстый черный мохеровый свитер и джинсы, которые она не носит уже бог знает сколько времени. Подходит какой-то мужчина. Она его не знает. Ей кажется, что она грезит наяву.

– У вас все в порядке, мадам?

Она смотрит на свои часы, они явно сломаны, она стучит по ним, но стрелки так и остаются на цифрах 10 и 12. Десять часов. Утра или вечера? Она ищет глазами хоть что-нибудь – настенные часы, дорожный указатель, потом снова вздрагивает. Звенит колокольчик. За ее спиной кто-то входит в магазин и направляется к прилавку. Продавец безразлично отходит.

Алиса роется во внутреннем кармане куртки, вытаскива-

ет оттуда свои документы, права, немного денег. Все совершенно настоящее.

Значит, снова то же самое.

Сколько же времени продолжалась *черная дыра* на сей раз? Час? Два? Пять? Она пытается разглядеть на парковке свою машину, находит ее – припаркована она неудачно, возле колонки. Темнеет. А может быть, наоборот, светает?

Ей хочется пить. Она берет бутылочку воды, потом подходит к кассе. Она не размыкает губ. Если она спросит, где находится, заправщик решит, что она ненормальная.

– С полной заправкой с вас пятьдесят два евро и пятнадцать центов.

– Полная заправка? Почему? Я же залила полный бак утром, когда ехала в Булонь-Бийянкур, и...

Алиса замолкает и заглядывает в кошелек. Там лежит банкнота в пятьдесят евро и несколько монет. Она протягивает деньги, забирает сдачу, чек и выходит. Внизу на чеке проставлена дата. Она останавливается. Среда, 10 октября 2007 года, 18:02.

Прошло два дня после эксперимента в лаборатории.

Поднимается ветер, темнеет. Алиса застегивает молнию на куртке и идет к своему «фиату-крема».

Она быстро оглядывает салон. Все на месте. Медалька со святым Христофором, упаковка бумажных носовых платков, чеки возле пепельницы. Она проглядывает их, но не находит ничего интересного.

Теперь надо быстро тронуться с места. К счастью, местность ей знакома. Она узнает Сен-Мартен-Булонь, городок на Опаловом побережье, недалеко от ее дома. Значит, она вернулась в Па-де-Кале, за двести пятьдесят километров от Булонь-Бийянкур. Она зевает, ее одолевает усталость. Выпивает до дна свою воду. Одной рукой она держит руль, другой шарит в бардачке. Ничего, никаких бумаг, никаких указаний на то, что могло произойти после тестирования в Исследовательском центре.

Наконец Алиса приезжает в нужное место. Булонь-сюр-Мер. Она едет по улочкам, круто спускающимся к порту, ей не терпится оказаться в безопасности, в своих четырех стенах, в маленькой квартирке на четвертом этаже.

Уже поднявшись, она замечает, что не заперла дверь на ключ. Вечно она забывает. Сосед по площадке выглядывает из-за двери. Молодой парень, лет девятнадцати-двадцати, курит целыми днями.

– Все в порядке, Алиса?

Она застенчиво кивает, собирается войти в квартиру, но на мгновение задерживается.

– Почему ты спрашиваешь?

Сосед выходит, он обнажен по пояс.

– Ну... Позавчера, когда ты вернулась... Ты была вся в крови. Я уж хотел звонить в полицию.

– В крови?

– Ты, как я посмотрю, ничего не помнишь?

Алиса, не в силах поверить, трясет головой. Что это значит? Молодой человек нахально улыбается:

– Я тебя раньше без очков не видел. Да ты красотка, когда захочешь.

Алиса, не поднимая глаз, входит и захлопывает дверь. Она ничего не понимает. Наверняка этот придурок опять накурился какой-то дряни.

На кухонном столе стоят баночки из-под йогурта и пустые упаковки от печенья. В спальне – застланная кровать, шкаф закрыт. Все вроде бы в порядке, все нормально. Тем лучше.

Она возвращается в гостиную. Мигает лампочка автоответчика. Алиса бросается к телефону.

Два сообщения от Люка Грэхема, ее психиатра, который тщетно пытается связаться с ней. Последнее сообщение поступило вчера. «Здравствуйте, Алиса, это снова доктор Грэхем. Почти сутки ничего не знаю о вас. Номер моего мобильного: ноль шесть двадцать три пятьдесят четыре шестьдесят восемь сорок восемь. Позвоните мне, хорошо? Надеюсь, мы увидимся в ближайший понедельник. Я готов все обсудить и начать кое-что новое. Мы приближаемся к финалу».

Алиса хмурит брови: впервые за год доктор дает ей номер своего мобильного. Она записывает его на клочке бумаги, потом нажимает кнопку на автоответчике. Другие сообщения. Три – от Леонара, хозяина ресторана, где она работает... Он явно нервничает, грозит уволить ее, если она не объявится. Алиса размышляет: эти сообщения означают, что

ее здесь не было и что на работу она не ходила. Или же она была здесь, но закрылась и не отвечала.

Она нажимает кнопку «Следующее сообщение». Незнакомый мужской голос: «Говорит Фред Дюкорне из Кале. Послушай... Ты как-то быстро уехала, оставив на кровати номер своего телефона, и я хотел узнать, все ли в порядке. Постарайся мне звякнуть, хорошо? Просто чтобы я был спокоен...»

А это кто такой? Почему он обращается к ней на «ты»? Она оставила номер *на кровати!* На какой кровати?

Алиса пытается перезвонить, но номер не определился, а Дюкорне его не оставил. Она быстро записывает «Фред Дюкорне, Кале» под номером доктора Грэхема. С чего бы это она отправилась за сорок километров, в город, где никогда не бывала?

Потом она пытается связаться с доктором Грэхемом. Он не отвечает. Она, в свою очередь, оставляет ему сообщение: «Доктор Грэхем? Это Алиса Дехане. Все в порядке, я дома. В этот раз черная дыра длилась два дня. Я хочу знать, что случилось в центре. Позвоните мне, пожалуйста...»

Автоответчик по-прежнему мигает. Алиса нажимает кнопку. Последнее сообщение, тоже вчерашнее: «Алиса? Это папа. Я в Лилле, в больнице Салангро. Позвони мне, как только получишь это сообщение».

Алиса сразу же набирает номер справочной, потом звонит в больницу.

Ей приходится ждать, в трубке звучит музыка. Зажав телефон между плечом и щекой, она идет в тесную ванную комнату. Кран подтекает, полотенца разбросаны, значит она сюда заходила. Она включает громкую связь и раздевается. В трубке по-прежнему звучит музыка.

Она поворачивает кран очень осторожно, чтобы теплая, восхитительно теплая вода не слишком шумела.

Алиса погружает кончики пальцев в воду. Старается выпрямиться перед зеркалом, потом проводит влажной рукавицей по плечу. Потом медленно омывает свое тело с головы до пят. Она не носит никаких украшений, кроме цепочки с медальоном, оставшейся от бабушки. Пальцы натываются на шрам от аппендицита, прямо над пахом. Ровная белесая линия, совсем тонкая, Алиса ее ненавидит.

Наконец в трубке слышится голос. Молодая женщина хватается телефон:

– Папа!

– Алиса? Как дела?

– Что случилось?

Он отвечает сухо, в его голосе слышится упрек:

– Теперь тебе интересно, что со мной?

– Папа, пожалуйста!

– Я сгупил, поранился садовым инструментом. Я пытался связаться с тобой, но не мог дозвониться. Куда ты запропастилась?

Алиса, прижав трубку к уху, смотрит в зеркало. Нежное

лицо, обрамленное темными волосами до плеч, глубокие голубые глаза. Аккуратный тонкий нос, как у матери. Конечно, бедра широковаты, но гармонично сложенное тело с белой кожей напоминает греческие статуи из алебастра.

– Я не знаю. У меня с позавчерашнего дня был провал.

Вздых.

– И ты ничего не помнишь?

– Нет. Ты первый, кому я звоню, я только что вернулась домой и...

– Что еще учудил этот твой психиатр?

Она хватает полотенце и прижимает его к щекам. Потом замечает, что занавеска для душа задвинута до конца. Она хмурится. Она никогда не задвигает занавеску.

– Он просто лечит меня, папа. И не забывай, ты сам мне посоветовал.

– Ты не оставила мне выбора. Ты думала, что тебе будет лучше вдали от дома, а стало хуже. Всем стало хуже. Возвращайся, Алиса!

Алиса страдает каждый раз, когда он просит ее вернуться домой. Она знает, что Клод говорит искренне, что он зовет ее от чистого сердца, что его голос не обманывает. Но она поклялась себе, что выстоит. Ей двадцать пять лет, и ей нужно строить свою жизнь не в богом забытой деревне.

– Это не так просто.

– Для меня просто. Я готов к тому, о чем говорю.

Алиса, задышавшись, резко отдергивает занавеску.

Блузка, в которой она была в Исследовательском центре, лежит в красной воде.

Ей становится плохо. При виде крови у нее кружится голова. Она слышит, что отец волнуется, но быстро отключает связь. Едва успевает дойти до кровати и падает без чувств.

Ночь. В квартире Алисы все спокойно. Доротея Дехане в темноте тихо крадется к ванной и забирает блузку. Ее сестра наверняка спит в спальне глубоким сном.

Она осторожно проводит по эмали губкой, чтобы стереть все следы крови. Ну вот, как новенькая...

Она выходит из квартиры на четвертом этаже и, сжав зубы, прикрывает за собой дверь.

– Алиса?

Доротея оборачивается. Она совсем забыла про этого дебильного соседа.

– Да... Не ори так, мать твою...

– Что ты тут делаешь в такое время?

– А ты? Шел бы лучше к себе, чем людей караулить.

– Угу... Точно, без очков ты милашка. Если хочешь, моя дверь открыта.

– После дождичка в четверг!

На первом этаже Доротея надевает туфли на каблуке и обматывает шею сиреневым шарфом, а потом уходит в темноту, держа в руке пластиковый пакет с блузкой и грязным полотенцем. Спустился густой туман. Очень сыро. Доротея садится в машину и трогается с места. Она не сразу зажигает фары, выезжает на шоссе A16 и сворачивает на Вимрё, километрах в десяти к северу от Булонь-сюр-Мер. Ей совсем

не нравится водить, особенно ночью. По петляющему шоссе она добирается до узкой песчаной дороги, ведущей к прибрежным дюнам в Слаке. Богом забытое место, конец света, именно то, что ей надо.

Молодая женщина выключает мотор, выходит и берет из багажника канистру с бензином. Она чувствует, как стынут пальцы. Холод пощипывает щеки.

По мокрому песку она уходит в темноту, в сторону дюны. Под подошвами хрустят раздавленные ракушки. Она забирается на дюну, спускается к берегу. Чуть дальше море выводит свою странную мелодию. Доротея останавливается, сгибается, упершись руками в колени, немного приходит в себя. Последнее время она почти не выходила из дому... малейшее усилие дается ей с трудом. Наконец она бросает пакет на землю.

Выливает на него полканистры бензина, щелкает зажигалкой и поджигает. Тихий треск нарушает тишину. Ясно проступают очертания берега. Глаза молодой женщины блестят, как две перламутровые жемчужинки. Ткань очень быстро сгорает, скоро от нее остаются только хлопья пепла, кружащиеся на ветру.

Она закрывает глаза и с облегчением переводит дух, из рта вырывается облачко пара. Закуривает, и нервы тут же отпускает. Больше нет никакой блузки, никаких следов крови в ванной. Алиса, как обычно, проснется с ощущением, что видела страшный сон.

Не сводя глаз с черных волн, еле различимых в тумане, Доротея докуривает сигарету. Ее сестра всегда любила море, его простор. Конечно, она видела в нем самое живое воплощение свободы. Свобода... Прекрасная иллюзия.

Затушив сигарету, Доротея возвращается к машине, поливает водой из бутылочки подошвы, чтобы смыть песок. Потом кладет зажигалку в кармашек под сиденьем, сует в рот мятную жевательную резинку и трогается с места... как будто ничего не произошло.

Утром в четверг доктор Люк Грэхем встает, натягивает халат, спускается по лестнице, выходит на террасу, на которую намело песок с дюн, и берет сигарету. Он получает удовольствие только от первой сигареты. Люк кашляет и трет губы. Он похож на прирожденного курильщика, тогда как на самом деле он *всего* четыре года как начал курить.

Он бессознательно обводит пальцами края доходящей ему до колена овальной пепельницы на ножке. Потом, опомнившись, запахивает халат и поднимает глаза к морю. В глаза ему бросается белый парус яхты, идущей вдоль берега. Не отводя от него взгляда, в оцепенении, он толкает стеклянную дверь. Ее больше нельзя запереть на ключ, он так и не исправил замок. А надо бы, с учетом того, что случилось позавчера.

В доме мало мебели, убранство самое что ни на есть простое. Люк никогда не отличался богатым воображением. Без сомнения, это семейная черта, унаследованная от отца-психиатра и матери-врача. Он включает радио, там как раз передают новости. Потом он берет с низкого столика мобильный телефон. Пришло какое-то сообщение...

Алиса... Наконец-то Алиса ему позвонила. Он внимательно слушает сообщение.

Черная дыра... Два дня после эксперимента со стиму-

ляцией, и ни малейших воспоминаний. Это радует Люка. Тест, проведенный в Исследовательском центре, сработал. Ему наконец удалось найти пусковой механизм, одну из последних деталей головоломки под названием «Алиса Дехане».

Люк бежит одеваться – темно-синяя рубашка, черные фланелевые брюки, мокасины, – а потом бросается к машине.

Ему предстоит выехать на шоссе и, как обычно, влиться в поток спешащих на работу людей, проехать мимо фламандских ферм с красными крышами, мимо иммигрантов, идущих пешком вдоль лесопосадок в направлении Дюнкерка, потом Кале... Эта дорога, длинные дни на работе изматывают его морально, но ему нравится естественный снотворный эффект усталости.

Люк вздыхает: снова пробка. Он открывает бардачок, где в хронологическом порядке размещены шестьдесят две маленькие кассеты. Весь курс психотерапии Алисы Дехане. Он берет запись, сделанную в октябре 2006 года, во время одного из первых сеансов, и вставляет ее в свою «особую автомагнитоу»: диктофон, встроенный в пластиковую панель под кнопками обогрева. Доморощенное устройство, вполне пригодное для того, чтобы не прерывать работу даже за рулем.

Кассета номер шесть. В салоне звучит спокойный голос Алисы:

– Мне шесть лет... Мы с Доротеей играем под кроватью... Моя сестра переставляет человечков из пластилина. Она слышит шум на лестнице. Мы знаем, что это поднимается папа, потому что мама никогда не наступает на десятую ступеньку, где сдвинулась доска, – папа должен ее починить, но никак не починит. Услышав шаги, Доротея оставляет игрушку, выползает из-под кровати и убегает.

– Вы сердитесь, что она оставила вас одну?

– Да. Она вечно оставляет меня одну по вечерам. Ей повезло, у нее своя комната. Я кладу ее пластилин в жестяную коробку и вылезаю на середину комнаты.

– Это спальня ваших родителей?

– Да. Там нет игрушек, но много зеркал, фарфоровых кукол с грустными лицами и всяких взрослых вещей: щетки для волос, книжки без картинок, брюки, красивые мамины платья, распятие над кроватью, газеты, папины научные журналы...

– А потом?

– Я забираюсь под толстую пуховую перину на папиной и маминой кровати. И изо всех сил тру обеими руками папину сторону.

– Зачем?

– Потому что папе это очень нравится. Ему часто бывает холодно, надо согреть кровать. Когда он приходит, он поет песенку, которую я люблю, про кокосовые орехи.

Мы поем вместе. Потом папа ложится и просит, чтобы я помассировала ему ноги и при этом молилась Боженьке...

— А вам это нравится? Делать массаж, молиться?

— Нет... Мне ужасно не нравится, но он повышает голос, и я слушаюсь. К счастью, потом папа целует меня в лоб, и я могу ложиться спать. Моя кровать там, рядом.

— Где это — рядом?

— Не знаю. В метре, в двух. У стены.

— Вы всегда спали в комнате с родителями?

— Я не помню, чтобы спала где-то еще до несчастного случая с мамой. После этого у меня появилась своя комната, как у Доротеи. Мне было десять лет...

— Продолжайте... Вам шесть лет, вы ложитесь в свою кроватку...

— Мама укутывает меня одеялом. Мама как пантера, я никогда не слышу, как она приходит. Мне бы так хотелось, чтобы она мне рассказала какую-нибудь историю, но она устала. Она вечно устает. Ну а потом... потом звук выключателя, а потом...

— Потом?

— Я больше не помню. Все всегда кончалось выключателем...

— Это было похоже на черную дыру?

— Да. Черная дыра. Чернильный пузырь... Думаю, что все началось именно в это время.

Щелчок диктофона. Люк, еще под впечатлением от последних слов Алисы, подъезжает к больнице. Дорога до Клинического центра в Лилле заняла у него почти час. Напротив центра, на небольшой площадке, расположены здание морга, Институт судебной медицины и тюремная больница. Чуть далее – клиника Салангро, где он регулярно дежурит по ночам. Люк ставит машину перед клиникой Фрейра – массивным трехэтажным зданием из бетона. Больница – это совершенно особый мир. Там на тебя смотрят застывшие глаза шизофреников, там ты погружаешься в бред параноиков и людей с искаленной психикой, успокаиваешь и натягиваешь на них смиренные рубашки. Там ты каждый день и каждый час осознаешь, насколько сложен человеческий мозг.

Неделя за неделей – всегда одно и то же. Повесить пальто на вешалку, надеть халат, просмотреть график посещений на день, спуститься в кафе, а потом, если будет время, привести в порядок бумаги. Кабинет Люка очень функционален, там чисто, нет никаких фотографий, стоит компьютер, аккуратно сложены истории болезни, ручки на столе. Кроме того, имеется телевизор с DVD-плеером и закрытый книжный шкаф, приспособленный для хранения кое-какой одежды и туалетных принадлежностей.

Но на сей раз времени нет ни на бумаги, ни на почту, ни на звонок Алисе Дехане. Не успел Люк сорвать листок с календаря – четверг, 11 октября 2007 года, – как к нему загля-

дывает Жером Каплан, интерн второго года.

– Тебе придется спуститься. К нам поступил больной из Салангро. Позавчера его привезла Жюли Рокваль.

– Жюли?

– Да. Рисуем с ней сегодня повидаться.

Люк благодарит его улыбкой. Они выходят из кабинета и проходят перед комнатой, где уже ожидает пациентка двадцати трех лет. Пришла заранее... Она, как и Алиса, страдает фобией, относящейся к подтипу «кровь – укол – несчастный случай». Совершенно не переносит вида игл и крови. Падает в обморок по пять-десять раз в неделю и не может учиться. Люк подходит к ней, просит немного подождать, потом догоняет интерна. Он пытается не отставать от него, но из-за курения легкие уже не те. Спустившись на первый этаж, он толкает дверь палаты и на несколько секунд замирает.

На стуле сидит человек – он совершенно неподвижен, ноги широко расставлены, ступни приподняты сантиметров на пятьдесят над полом. Немигающие глаза. Густая борода и длинные вьющиеся темные волосы делают его похожим на распятого, словно снятого с креста две тысячи лет назад. Сколько он весит? Он так худ, что его тело теряется в складках одежды, и первое, о чем думает врач, – сколько же он весит?

Вернувшийся с дежурства в отделении скорой помощи Гримбер пожимает руку Люка Грэхема. Каплан стоит сзади.

– Ну и как ночка? – спрашивает Люк.

– Жарковато было. Я занял последние койки в кризисном центре. Две попытки самоубийства, один тип с ломкой, еще один так накачан нейрорептиками, что слова выговорить не может. Судя по всему, сбежал из центра лечения. Его привезли на «скорой» совершенно голым, но в меховой шубе. Этаким сурок-экзгибиционист.

– А этот?

Гримбер протягивает формуляр:

– Доставлен позавчера утром в отделение скорой помощи сотрудницей социальной службы.

– Жюли.

– Да, Рокваль... Найден на остановке школьного автобуса километрах в двадцати отсюда, в какой-то деревушке. Тоже совершенно голый, под толстым шерстяным одеялом. И неподвижен. Когда я говорю «неподвижен»...

Гримбер подходит к мужчине и меняет положение его руки, словно имеет дело с куклой.

– ...это значит неподвижен.

– А соматические показатели?

– Имеются признаки пародонтоза. Деформация пальцев конечностей по типу барабанных палочек, явное истощение; его помыли и сделали внутривенные вливания. Отмечены также проблемы с кровообращением в ногах. Большие отеки, много воды, щиколотки в ужасном состоянии, кровеносные сосуды раздуты, как будто он целыми днями стоял. Ре-

зультаты сканирования и МРТ в норме. Никаких абсцессов, опухолей, ран. Однако мне сказали, что на спине у него нашли кое-что любопытное.

Там и сям Люк видит кружки, лишенные волос. Он поворачивается к коллеге:

– Что ты думаешь?

– Похоже на ожоги, а?

– Не обязательно, кожный покров не нарушен. Локальная и полная потеря волос может происходить по разным причинам. Например, при сильном стрессе.

– Я имел в виду электрические ожоги. Сильные и неоднократные...

Люк трет подбородок. Его взгляд падает на татуировку в виде волчьей головы на икре больного.

– Это ты усадил его в такой позе?

– Нет. Он сам ее принимает, когда пытаешься его пошевелить. Но при этом он с воплем схватил меня за руку, у него еще достаточно сил, и он может реагировать, как дикий зверь, так что будь осторожен.

– Сохранение спонтанно принятой позы. Кататонический синдром с каталепсией?

– Я тоже так думаю. Как я уже сказал, он иногда двигает головой и кричит. Как будто хочет нам что-то сказать. Но взгляд и тело остаются неподвижными.

– Известно, кто он такой?

– Нет, ничего не известно.

Гримбер уходит. Люк прощается с ним и поворачивается к интерну:

– Сбегай ко мне в кабинет и принеси таблицу со шкалой Буша – Фрэнсиса, пройдемся по двадцати двум пунктам оценки, а потом покажем его Деникеру на втором этаже. Понаблюдаем его еще сутки, а потом попробуем тест с ривотрилом. Позови медсестру, заодно побреем и пострижем его, тогда будет проще.

Теперь Люк спешит в приемное отделение. Он ускоряет шаг. Пробежать по коридорам, подняться, спуститься, пересечь, встретить, поставить диагноз, подбодрить... Выложиться до конца, ощутить свою значимость в этом замкнутом мире, который безразличен большинству людей с улицы, о котором они даже не подозревают.

Приемный покой, место, где соприкасаются внешний и внутренний миры. Два, может быть, три типа с синеватыми мешками под глазами, в футболках, торчащих из-под коротких курток, болтаются там без определенной цели, но Люк даже не замечает их. Они – просто деталь интерьера.

Он входит в кабинет справа от входной двери. Жюли Рокваль только что пришла. Как всегда при встрече с ней, Люк чувствует, как у него сжимается сердце. Уж очень она похожа на его жену и внешностью, и манерой двигаться. А иногда и интонациями. Видеть ее – счастье и мука. Однако это необходимо. Рокваль – это проблеск надежды для больных, которые часто растеряны и не способны защитить себя.

– Здравствуйте, Жюли.

– Люк...

Она отвечает ему с неизменной улыбкой. Живые глаза, обостренная чувствительность – она, как и Анна, словно постоянно изучает окружающих. После смерти жены почти все женщины на свете кажутся ему похожими на нее.

Люк предлагает ей выпить кофе. Сегодня она предпочитает без кофеина. Люк выбирает самый крепкий вариант – ристретто.

– Мы посмотрели вашего человечка.

– Я знаю, потому и пришла. Ну и что? Какой диагноз?

– Подозреваем кататонию. А у вас есть какие-то новости?

Что-то удалось узнать?

– Личность не установлена. Я поискала через административные учреждения – почту, мэрию, налоговую. Судя по всему, он не из Ильеса, да и вообще не из этих мест. Никто не видел, как он очутился на автобусной остановке. Просто загадка... Что будем делать? Свяжемся со службой криминалистического учета на предмет отпечатков пальцев?

Люк соглашается:

– Я этим займусь... Вы все сделали правильно.

Жюли благодарна за похвалу.

– Ну, я просто стараюсь работать как следует. А иногда немного выходить за рамки.

– Это правильно – выходить за рамки.

Люк выкидывает пустой пластиковый стаканчик и кладет

руки в карманы халата.

– Завтра проведем тест с ривотрилом – этот препарат может временно снимать кататонические состояния. В норме он должен обрести способность говорить, мы сможем задавать ему вопросы. Разумеется, в том случае, если нам не помешает психическое заболевание, которое за всем этим скрывается. Либо мы имеем дело с расстройством психики, которое сравнимо с сильной простудой и быстро лечится, либо... мы упрямся в стену.

Жюли тоже выбрасывает пластиковый стаканчик. Люк не может не наблюдать за ней. Он изучает каждый изгиб, каждую деталь ее фигуры. Повернувшись, она замечает его взгляд. В смущении начинает рыться в своей матерчатой сумке, нервно вынимает оттуда лимонную жевательную резинку и предлагает ее Люку. Тот отказывается.

– С нашей работой не так-то легко бросить курить, – доверительно говорит она, явно желая разрядить обстановку. – Мне кажется, что здесь, во Фрейра, курят все. Больные, интерны и, главное, психиатры.

– Мы все от чего-то *зависимы*. Зависимость – это в каком-то роде способ избавиться от своих призраков.

Они идут к приемному покою. Люк берет у секретарши бланк госпитализации и вынимает из нагрудного кармана шариковую ручку. Сосредоточившись на бланке, начинает его заполнять. Жюли подходит и дает ему фотографию больного.

– Я сфотографировала его в «скорой». Если хотите, можете приколоть сверху. Ведь у месье Икс должно быть лицо. Мы так делали в Бетюне, в детском отделении. Конечно, надо будет снять еще раз, когда вы его пострижете и побреете, но пока...

Люк берет фотографию.

– Я тоже фотографирую своих больных, из частной практики... Конечно, если они дают согласие. А вы работали с детьми?

– Мне всегда нравилось общаться с ними. И потом, все дети изначально невинны, они не могут влиять на то, что с ними случается.

– А почему переключились на взрослых?

Жюли стискивает сумочку:

– После беременности... неудачной...

– Простите.

– Это все в прошлом.

Молчание. Жюли, не находя новой темы для разговора, бросает взгляд на свои коротко подстриженные, покрытые лаком ногти. Или ей нечего сказать, или она просто боится того, что могла бы произнести. Вдохновение так и не приходит, и она снова возвращается к больному:

– Скажите, а вы у него не заметили никаких особенных ран?

– На первый взгляд нет. А что?

– Есть кое-что странное. Пойдемте к моей машине, это

займет пару минут.

Она идет к автоматической двери развернув плечи, чуть прогнув спину. Люк кладет бланк госпитализации на стойку и следует за ней. Господи, эта ее походка, эта манера ставить одну ногу перед другой... она словно разрезает воздух. Люк сжимает зубы: вот почему он не любит встречаться с ней – он не хочет того, что в такой ситуации может почувствовать только мужчина. Влечение...

Прохладный воздух ударяет в лицо, его тело нуждается в кислороде, а мозг требует сигарету. Пока Жюли открывает багажник, он пользуется моментом, чтобы закурить «Кэмел».

– Не стоит курить при мне, доктор. Я пытаюсь бросить.

Люк резким движением вынимает изо рта сигарету, гасит ее между пальцами и сует в карман.

– Ох, прошу прощения.

Она милостиво улыбается:

– Я это сказала смеха ради. Все равно чувствую, что вот-вот сдамся. По-другому не получится.

Она нагибается и вынимает из багажника одеяло, упакованное в большой пластиковый пакет.

– Я это забрала из Салангро; на автобусной остановке он был им прикрыт.

Люк спокойно смотрит на собеседницу. Он трет предплечья, борясь с утренней прохладой.

– И что?

Сотрудница социальной службы аккуратно разворачивает песочного цвета одеяло с тонкими голубыми полосками. Заметив на шерсти многочисленные темные пятна, психиатр хмурит брови.

– Земля?

– По-моему, кровь. Земля бы так не въелась.

Она поворачивает одеяло, чтобы показать ему другие пятна. Люк рассматривает их вблизи.

– Но цвет не похож на кровь. Слишком темный.

– Может быть, на свежем воздухе произошла какая-то реакция. Кровь свернулась или что-то в этом роде.

– Но даже в этом случае кровь не становится такой черной.

Жюли тоже растирает руки, чтобы согреться, – этим утром воздух очень сухой, колючий. У Люка была привычка: когда Анна дрожала от холода, он подсовывал руку ей под затылок и нежно массировал позвоночник.

Жюли аккуратно сворачивает одеяло и закрывает багажник.

– Отнесу в лабораторию и попрошу провести анализ на группу крови.

– Пустая трата времени. Это не...

– Не кровь, понимаю. Но мы хотя бы убедимся в этом. У вашего кататоника нулевая группа, резус положительный.

– Да, самая распространенная. Ну хорошо... Предположим, чтобы доставить вам удовольствие, что это именно

кровь. И если окажется, что она той же группы, что тогда?

– Не знаю. Анализ на ДНК?

Люк пожимает плечами:

– И что он вам даст, если не считать траты сил и преодоления всяческих административных сложностей? А если кровь другой группы, что это вам даст?

– Это позволит начать судебное расследование.

Люк качает головой. В этой женщине столько ума, столько пылкости, но она слишком спешит.

– Не надо замахиваться на что-то грандиозное, не так сразу, все эти новые методы хороши, только чтобы деньги тратить.

– А, так вы приверженец старой школы?

– Прежде всего надо снять отпечатки пальцев. Я вам уже сказал, меньше чем через сутки мы проведем тест с ривотрилом. Может быть, больной сможет рассказать нам, что случилось с ним за последние часы. А также объяснит происхождение пятен, которые так вас волнуют.

Жюли снова улыбается, на ее щеках появляются ямочки, она невероятно привлекательна.

– А это что, какой-то волшебный препарат?

– Он произвел настоящую революцию.

Она опирается на багажник и размышляет.

– Хорошо, я подожду. Но эта история занимает меня все больше и больше. Потому что, помимо того, что этот больной неподвижен, у него в глазах страх. Как будто... ну, не

знаю... он увидел что-то ужасное, такое страшное, что застыл. Такое возможно?

– В кино – да, а в психиатрии – нет.

– Он сжал мою руку, как будто... просил о помощи...

– Или, скорее, это был кататонический рефлекс.

– Как по-вашему, он мог добраться в таком состоянии до автобусной остановки?

– Кататония редко поражает человека внезапно, ее можно сравнить с оболочкой из бетона: представьте, что он на вас льется и постепенно застывает, пока не затвердеет полностью. Прошло несколько недель, и больной уже не владел своим телом, не понимал, как выглядит. Может быть, он вышел из дому со своим одеялом, не имея никакой определенной цели, присел на автобусной остановке, а потом наступила неподвижность. Чаще всего за кататонией скрывается шизофрения или психическая травма. Нам предстоит это выяснить.

Она согласно кивает, потом идет к передней дверце машины. Люк смотрит на ее затылок, на мягкие волны волос, спадающие на плечи. Анна недалеко, она парит где-то в воздухе, как легкий дух. Доктору так хотелось бы оказаться сейчас где-нибудь в другом месте и думать лишь о работе, изнемогая под тяжестью проблем психических патологий.

Жюли садится за руль и опускает стекло.

– До скорого, доктор. И держите меня в курсе, если до завтра что-то узнаете, хорошо?

– Да, конечно.

Поколебавшись, она говорит:

– Послушайте, сегодня мне повезло, и в полдень я успею пообедать в медицинском общежитии в Салангро. Спагетти болоньезе, знаете, с таким рыжим соусом... лучшее блюдо за неделю. Если вас это привлекает...

Люк чувствует, как что-то сжимается у него в груди. Он умирает от желания.

– Увы! У меня страшно много работы. Меня недавно назначили судебным экспертом по психиатрии в Лилле – там произошло убийство. И потом... суд через три недели, а мне надо просмотреть столько статистики, столько видеоматериалов, все протоколы и еще...

– Да ладно. Я все понимаю, вы просто не любите рыжий соус.

Жюли поднимает стекло, и машина медленно выезжает с парковки. Люк смотрит вслед, пока она не скрывается из виду.

Анна...

Углубившись в воспоминания, психиатр идет к мрачному зданию, основному месту своей работы. Открывается раздвижная дверь, и мимо него быстро проходит какой-то человек в низко надвинутой на глаза красной кепке и куртке с поднятым воротником.

Сбитый с толку Люк останавливается перед входом. Он видит, как человек удаляется быстрыми шагами, а миновав

въезд на парковку, бросается бежать. Психиатр вбегает в приемное отделение. Сотрудницы болтают в углу. Люк ударяет кулаком по деревянной стойке:

– Эй!

Одна из сотрудниц с улыбкой подходит к нему:

– Да, доктор?

– Только что отсюда выбежал человек в верхней одежде.

Вы ничего не видели?

– Нет. Ничего.

Короткая пауза. Девушка с недоумением смотрит на собеседника:

– Что-то еще?

– Нет, спасибо.

Психиатр стоит неподвижно, еще не понимая, почему он вдруг так разволновался. Он вынимает из кармана сигарету, нюхает ее и решает снова выйти на улицу, чтобы наконец закурить. Черт побери, если от работы в психушке сам становишься параноиком, куда же катится мир? Он успевает сделать только три затяжки, а потом сигарета падает на землю, а сам он снова входит в приемное.

Люк обшаривает глазами стойку. Кровь мгновенно приливает к щекам.

– Лоранс! Простите...

Регистраторша, не скрывая легкого раздражения, отставляет чашку с кофе.

– Да?

– Бланк госпитализации... Я только что заполнял его, куда он делся?

Она пожимает плечами, отходит, чтобы спросить у подружек, возвращается:

– Никто его не трогал.

– Вы уверены?

– На сто процентов.

Вконец заинтригованный, Люк идет в палату к своему больному. Прислонившись к стене, засунув руки в карманы, он несколько мгновений смотрит на него.

– Кому могло понадобиться украсть бланк твоей госпитализации? Что про тебя хотят узнать? Кто же ты такой?

Александр ожесточенно испытывает на прочность решетки своей темницы. Раз за разом он упирается ногами в металлическое основание, сжимает прутья руками и изо всех сил тянет назад. Почти девяносто килограммов, преобразившиеся в сгусток энергии, не приносят результата. Впервые после того, как он пришел в себя, в голову приходит невыносимая мысль: он больше не хозяин своей судьбы.

Он думает о семье, вспоминает забавные моменты.

А что, если... Что, если с ними случилась беда? А что...

Не думать об этом, только не сейчас. Не сейчас? А когда? Можно подумать, что здесь, в этой яме, он может изменить свои мысли. Он проводит рукой по голове, облизывает губы. Появляются новые ощущения, голод и жажда, и он все сильнее чувствует холод.

Хватит, с него довольно этого бреда, сколько можно сидеть в клетке для кроликов! Он решает воспользоваться единственным средством, с помощью которого можно преодолеть эти решетки: своим голосом. Главное, чтобы он звучал уверенно.

– Слушайте, может, хватит уже? Выпустите меня немедленно!

«Немедленно... медленно... енно... енно...»

– Чертово эхо!

«Во эхо... эхо... эхо...»

– Тихо...

Александр резко замирает, все его чувства обостряются еще больше.

– Кто? Кто это сказал? Кто вы?

Ни звука. Александр понимает, что на этот раз ни о какой галлюцинации не может быть и речи.

– Ради всего святого, ответьте, чего вы хотите?

До его слуха доносится шепот, невнятный, словно журчание далекого ручейка:

– Тихо... Замолчите... Иначе... придет чудовище и унесет вас... И вас больше никто никогда не увидит... Тихо, поняли?

Александр бросается влево, прижимается лицом к решетке. Голос, голос шел оттуда, он совсем рядом!

– Кто вы?

Ответа нет.

– Сколько времени вы здесь?

Шорох.

– Долго...

– Долго? Как долго?

– Я... я уже не знаю. День, неделю, месяц... Или больше... Это уже не важно.

Мир рушится. Александр вспоминает: «Когда ты вернешься, папа? Когда мы поиграем в футбол? Завтра...»

Он закрывает глаза.

– Что здесь происходит?

Тишина, а потом:

– Нас наказывают. Мы здесь во искупление.

– Во... во искупление? Но... Что это значит?

Ответа нет. Александр просит, требует... Ничего.

Он отходит к задней стене, прижимает руки ко лбу.

Искупление...

В мыслях царит полный хаос, но он понимает, что он здесь не единственный пленник.

Здесь находится еще один человек, вероятно женщина, если судить по интонациям. Запуганная, словно забитая собака.

Алиса просыпается в своей кровати, закутанная в халат, с мокрым от пота затылком. Ей больно глотать. Проходит несколько секунд, прежде чем она осознает, что находится в безопасности, у себя дома.

Она перекачивается на бок, встает, у нее болит все тело. Очки? Куда она их дела? Перед глазами все расплывается, она ничего не видит. Она пытается найти очки на ощупь и, не найдя, садится на кровать, обхватив голову руками. Ей бывает плохо при пробуждении, потому что кошмар не отступает. Кошмар все время возвращается, она видит одно и то же: она в темноте, привязанная. Вокруг кровь, а она не может закричать. И еще... Доротея.

Ей так не хватает Доротеи.

Доротея умерла десять лет назад.

Алиса идет в душевую кабину, берет очки, лежащие у поддона, надевает их и накидывает на шею шнурок. Потом резко поворачивается к занавеске для душа. Сдвигает ее в сторону, как привыкла.

У нее перехватывает дыхание, когда она вспоминает, что вчера сделала точно то же самое.

Никакой окровавленной блузки в поддоне нет. Где же она? Алиса начинает искать, обшаривает все. Ничего нет...

Это был сон? Разум опять сыграл с ней дурную шутку?

Это случается так часто...

Она смотрит в зеркало. Следуя незыблемому ритуалу, пускает несильной струей теплую воду – очень теплую, приятной температуры, – снимает очки и медленно умывается. Теперь стало лучше.

Открыв шкаф, она выбирает полотняные бежевые брюки, подходящую по цвету блузку и туфли на каблуке. Быстро приводит себя в порядок, чистит зубы, причесывается. Она почти не красится. Чуть-чуть тонального крема, светлая, почти бесцветная помада. Ей нравится быть похожей на женщину. Покупать косметику, прихорашиваться – этим она стала заниматься сразу после того, как уехала с фермы.

Она идет в гостиную. Почему-то там пахнет табачным дымом... Окно открыто... Кто заходил сюда? Сосед?

Алиса смотрит на часы. Почти одиннадцать! Леонар, начальник, ее убьет!

Она выбегает на улицу без шарфа, в тонкой куртке, так и не поев. Где же она поставила машину? Она ищет две, три минуты, начинает нервничать, потом наконец находит свой «фиат-крема» на соседней улице. Так, что там, на небе? Солнце, дождя не будет. Она едет в сторону дамбы Карно. Рыбаки уже расставляют прилавки с уловом.

В ресторане Леонар встречает ее так, как умеют только на севере:

– Вали отсюда.

Алиса в растерянности застывает на месте:

– Почему? У меня были проблемы со здоровьем, простите.

Другие официантки смотрят на нее из глубины зала, им понятна реакция хозяина, но в то же время они сочувствуют подруге. Всем им нравится Алиса, она настоящая трудяга, никогда никого не подводит.

Леонар, усмехаясь, перекидывает через плечо полотенце.

– И из-за этого ты не могла дать о себе знать? Нельзя являться на работу в двенадцать часов, как будто ничего не случилось! Хватит с меня и этого, и твоих бесконечных отлучек без всякой причины. Вали отсюда и больше не возвращайся. Найди себе другую работу. Ты хорошенькая, у тебя проблем не будет.

Алиса пытается возразить, но не чувствует в себе никакой злости.

– Мне нравилось работать у вас. Правда...

Хозяина, кажется, смутила эта искренняя реакция, он отворачивается. Алиса сжимает губы и уходит, даже не думая бороться. Она виновата и знает об этом. Может быть, все эти временные работы, это отсутствие поддержки со стороны коллег свидетельствуют о том, что ее настоящее место не здесь, не за пределами *внутреннего мирка Алисы*. Но ведь она уже год старается, с помощью доктора Грэхема. И главное, она так хочет...

А что теперь? Опять бюро по трудоустройству?

Она едет вдоль пляжа, домой возвращаться не хочется.

Не сразу. Ей надо чем-то заняться. Может быть, навестить отца в больнице? Нет, туда ее не тянет. После того как она уехала с фермы, их отношения испортились. Он сердится за то, что она оставила его, а она знает, как он злопамятен. Может быть, со временем Клод Дехане придет к тому, чтобы понять, что дочка уже достаточно взрослая и может обойтись без него.

Она проезжает мимо магазина с товарами «Все для сада». Вот о чем она всегда мечтала – работать среди растений, деревьев, давать советы людям. Ей нравится помогать, нравится видеть, как лица озаряются улыбками. После несчастного случая мама никогда не улыбалась. А отец и подавно.

Пошарив в кармане в поисках жевательной резинки, Алиса вынимает клочок бумаги с номером мобильного телефона врача и загадочным именем: «Фред Дюкорне, Кале».

Она заходит в почтовое отделение, листает справочник. Да, такой человек действительно существует. Вернувшись в машину, она открывает дорожный атлас с подробным планом Кале. Если в чем-то она и преуспела, так это в умении ориентироваться на местности. Она прекрасно находила дорогу в лесу, чтобы вернуться на ферму, когда убегала из школы, не терялась, когда папа брал ее с собой на охоту, она отлично находит дорогу и в лабиринте своего теперешнего существования.

Через двадцать минут она добирается до цели. Дом по указанному адресу, на улице Дамбрин, выглядит непрезен-

табельно. Типичное строение сороковых годов, серое, унылое, с плотно задернутыми двойными шторами, не позволяющими разыгаться воображению прохожих. В таких домах живут старики или дети стариков, их не ремонтируют не из-за нехватки вкуса, а из-за нехватки денег.

Алиса ищет звонок, не находит и в конце концов стучит в дверь. Вначале – никакой реакции, но потом с левой стороны занавеска внезапно отодвигается. Затем она слышит щелчок замка, и из-за двери появляется длинное худое лицо мужчины лет тридцати, на голове у него пестрая бандана, как у хиппи. Из-под нее выбиваются тонкие светлые прядки, одна из них падает на совершенно гладкий лоб.

– А, ты получила мое сообщение. Заходи скорее...

Алиса замирает в недоумении. Она никогда здесь не бывала, она никогда не видела этого мужчину, обращающегося к ней на «ты». Она колеблется, делает шаг назад. Раздается гудок – ее чуть не сбивает проезжающий мимо фургончик. Молодой человек тянет ее за руку:

– Ох! Осторожнее! Ну, ты идешь или как?

В конце улицы появляются двое детишек на велосипедах. Увидев их, Алиса сжимает в руке ключи от машины и быстро входит в дом. Фред сразу же захлопывает за ней дверь, закрывает ее на все замки и смотрит ей в глаза:

– Ты голодна? Хочешь пить?

Алиса смотрит на закрытую дверь, на стены, на окна. Она представляет себе двух велосипедистов, едущих мимо дома.

Шины, спицы, звяканье цепи. На теле выступает испарина, горло стискивает как тисками.

– Э-э... Нет-нет, ничего не хочу. Послушайте, честно говоря, я не помню, чтобы когда-нибудь бывала в этом доме.

Фред хмурится. Под серым свитером и джинсами его тело выглядит весьма внушительным, но кожа на руках какая-то помятая, со складками, как у рептилии. Следы, оставленные холодом и трудом. Алиса хорошо помнит эти отметины с того времени, когда ей даже зимой приходилось работать в огороде.

– Иногда это просто гениально – ничего не помнить. Но ты же здесь провела два дня!

– Два... Два дня? С вами?

Фред бросает быстрый взгляд на лестницу в конце коридора. Сверху доносятся какие-то звуки. Там кто-то ходит.

– Пойдем в гостиную. Я сделаю тебе кофе.

Алиса смотрит по сторонам. Телевизор, стопка газет на столе, старая мебель, в рамке на стене – сура из Корана... И подставка для записок в виде дерева, на которой висят карточки со словами на разных языках. Английский, арабский, тигринья, французский...

– Нет-нет, не надо... Просто расскажите мне, что произошло.

Через две минуты перед Алисой появляется большая миска с супом. Металлическая миска, немного помятая, из тех, что находят в глубине старых буфетов. Она не притрагива-

ется к еде.

– Прошу вас... Объясните...

– Ты точно уверена, что не узнаёшь меня?

– Я вас никогда не видела.

Он как-то странно смотрит на нее. Алиса пытается отпрянуть:

– Что такое?

– Странно, но, глядя на тебя, и я начинаю сомневаться. Ты... ты ведешь себя не так. Ты держалась попрямее, была более уверенной. И потом, главное... ты была без очков.

– Это очень странно.

– Ну, значит, это была не ты. У тебя есть сестра-близняшка?

Алиса колеблется долю секунды.

– Нет... Пожалуйста, расскажите мне.

Озадаченный, Фред трет подбородок.

– Ну так... Восьмого... Да, восьмого, в понедельник, ночью... Тебя привез сюда Жерар. Жерар – это мой друг, мы вместе работаем. Ты бродила по набережной в полной отключке. Не знала, куда идти.

– Но... Что я там делала?

– Ах это... Жерар хотел отвезти тебя к врачу, ты отказалась. Жерар-то сразу подумал, что тебя изнасиловали. Женщина, одна, в таком состоянии, напуганная. Ты не хотела, чтобы к тебе прикасались. Просто в истерику впадала...

Алиса опускает ресницы, каждое слово этого человека

действует на нее как удар хлыста. Восьмого... В понедельник восьмого, утром, она находилась в Исследовательском центре, потом – черная дыра, а восьмого вечером, судя по всему, она бродила по Кале.

Фред смотрит в глаза молодой женщины:

– Тебя обидели, а?

Алиса вспоминает окровавленную блузку.

– Я ничего не знаю. А что было потом?

– Я уложил тебя наверху, ты была измотана. Хотела остаться одна. Тебе было страшно, по глазам было видно. Я сказал, что ты можешь тут остаться на сколько захочешь.

Алиса не знает, должна ли она благодарить его. Слова, которые он говорит, ничего для нее не значат.

– И... и вы знаете, почему я не вернулась домой? У меня есть квартира.

Фред качает головой. В его жестах чувствуется что-то женственное, какая-то тонкость, обычно не присущая мужчинам.

– Нет-нет, о своей квартире ты мне не говорила. Просто сказала, что ты... живешь где-то, где всегда холодно. Что ты оттуда почти никогда не выходишь.

– Где именно?

– Не знаю.

Алиса потерянно оглядывается:

– Бред какой-то.

Фред садится напротив, упирается подбородком в сжатые

руки.

– К сожалению, ты мне не очень-то много рассказала.

Алиса сжимает губы. Ее отвлекают шаги на лестнице. Появляется какой-то человек. Она поднимает светлые глаза. Сверху спускается парень лет двадцати, по виду – араб. Фред спрашивает по-английски, не побудет ли он наверху еще пару минут, и говорит, что позовет его есть суп.

Иностранец с тревогой смотрит на Алису, потом уходит. Фред кивает в сторону лестницы:

– И его тоже не помнишь?

– Ничего не помню. Кто это?

– Нет, это же просто невероятно!

– Вы нашли меня на набережной, привезли сюда. Что потом?

– Ты осталась в доме до следующего дня. Ты много разговаривала с Самсоном, вы хорошо поладили. Он мне даже сказал, что ты ему что-то оставила на память. А в среду, когда я вернулся, тебя уже не было. Ты сбежала.

Фред кидает перед ней листок бумаги:

– В твоей комнате, на кровати, я нашел вот это. Твой номер телефона... Поэтому я и позвонил, я хотел понять.

Алиса берет листок и внимательно изучает его. Это не ее почерк, она уверена. Она снимает очки и трет глаза. Фред внимательно наблюдает за всеми ее движениями.

– Тебе нехорошо?

Молодая женщина возвращается к разговору. Ей нужно

узнать побольше.

– Я разговаривала с Самсоном? Это... тот, которого я видела?

– Нет. Это Хабиб, суннит из Ирака. Самсон из Эритреи, настоящий католик. И он... черный, если ты понимаешь, о чем я.

– И что я ему дала?

– Он мне не показывал. Он, знаешь ли, очень скромный.

– Я... Можно мне попить? стакан воды, пожалуйста...

Фред берет кувшин:

– На, держи...

– Алиса... Меня зовут Алиса Дехане. Я вам не называла своего имени?

– Нет. Ты не хотела называться, мы звали тебя «брюнеточка».

Фред ласково улыбается:

– Алиса. Какое красивое имя!

Молодая женщина трет лоб и поправляет очки.

– Мне необходимо поговорить с Самсоном.

– А вот это будет нелегко. Он вчера вечером уехал и утром не вернулся. Может быть, ему удалось пройти.

– Пройти? Куда?

Фред снимает бандану. На плечи ему падает сверкающая копна светлых волос. Кольцо-пирсинг под левой бровью подчеркивает голубизну его глаз. Они еще светлее, чем у Алисы, но взгляд у него не такой пронзительный.

– Слушай, черт тебя побери, откуда ты такая взялась? Куда, по-твоему? В Англию. Ты новости смотришь?

Алиса опускает голову:

– Мой отец забрал меня из школы в шестнадцать лет, чтобы...

– Чтобы что?

– ...чтобы я помогала ему на ферме. И... он никогда не позволял мне смотреть телевизор: было слишком много работы, и потом, он был против... против той лжи, которую там показывали. И поэтому даже теперь, когда я живу одна, я его почти не смотрю. У меня нет ни мобильного, ни компьютера. Старая привычка.

– Ах вот оно что... Извини.

Алиса водит пальцем по клетчатой скатерти.

– Если бы только люди перестали говорить мне: «Извини».

– Ладно, я усвоил урок, больше извиняться не буду. Хорошо, если объяснять в двух словах, здесь странноприимный дом. Я принимаю беженцев, приезжающих из других стран, чтобы работать в Англии. Ну то есть я их не принимаю... Сейчас у нас октябрь, значит с точки зрения закона через несколько дней я буду помогать людям, подвергающимся опасности. Это звучит лучше, а главное, это не позволит полиции сесть мне на хвост и я получу свободу действий.

Алиса резко встает:

– Послушайте, я... Вы должны помочь мне найти Самсона. Мне необходимо понять, что произошло за эти два дня.

Даже здесь, в своем рабочем кабинете в клинике, Люк Грэхем не может не думать об Алисе. В последние недели в отделении психотерапии события развивались с необычайной скоростью. После занятий с Коринной, девушкой, испытывающей панический страх перед уколами и кровью, ему хотелось только одного: пробраться в сложно устроенный мозг своей молодой пациентки, проникнуться звуками ее голоса, понять, продвинуться дальше. Он садится на стул, закрывает глаза и включает маленький магнитофон, который хранит в ящике стола. Кассета номер четырнадцать.

– Перескажите мне свой повторяющийся страшный сон, Алиса.

– Я прижата к каменной стене, руки и ноги раскинуты. Я голая, я прикована цепями, на запястьях – железные кольца. Стена уходит в обе стороны, углов не видно. Это напоминает средневековую темницу. Мне холодно, я хочу есть. Мне хочется пить. На земле передо мной извивается большая змея. Она разевает пасть, она хочет впиться зубами в шрам у меня на животе. Я пытаюсь кричать, но изо рта у меня вылетают только пузырьки без слов, а мой отец давит их пальцами и улыбается. Отец как бы парит над землей, под двумя большими перекрещенными балками.

– Эти балки находятся в вашей камере или снаружи?

– Мне... мне кажется, внутри. Доротея стоит перед дверью с решеткой, она расставила руки и загоразживает выход, и они с папой обмениваются улыбками, как сообщники. А где-то за ее правым плечом неподвижно стоит Мирабель.

– Вы можете описать Мирабель?

– Она живет далеко, за холмом.

– А вы бывали у нее дома?

– Нет. А зачем?

– Опишите мне Мирабель.

– Она рыжая, у нее кривые зубы и маленькие черные глазки. Она гладит по голове маленького мальчика, его зовут Николя, у него подсохшая ссадина на коленке, он застенчивый и пугливый. За ними с потолка спускается тень, распространяющаяся на всю стену. Это...

– Алиса? Все в порядке? Продолжайте...

– Это Берди. У него большие черные крылья, он сверкает глазами.

– А кто это такой?

– Это чудовище, он уносит детей, он похож на птицу. Он всегда там, всегда... Даже в других моих снах, в других кошмарах...

– Он причинил вам зло?

– Нет, но он меня пугает. Я так боюсь его! Все время.

– Продолжайте. Ваш кошмар...

– Мой пес, Дон Диего, громко лает. Его лай отдается

эхом, я не знаю, откуда он исходит, но понимаю, что собаке страшно. Внезапно змея выскакивает у меня из живота и скрывается в кармане пальто моего отца. Доротея громко смеется. И тут изо рта у меня перестают вылетать пузырьки, я начинаю кричать и просыпаюсь.

Люк нажимает кнопку, в кабинете становится тихо. Кошмар... В нем-то все и дело... Решение... Однако он еще не собрал все элементы, все детали головоломки, которые позволили бы полностью понять эту последовательность образов. Например, почему Клод Дехане парит в воздухе, под перекрещенными балками? Алиса как-то рассказывала о двух перекрещенных балках в старом деревянном сарае на отцовской ферме, тут, безусловно, есть какая-то связь. Что же касается выскакивающей из живота змеи, речь, по всей видимости, идет о материализации аппендикса, который Алисе удалили в Перу, во время путешествия с отцом, когда ей было двенадцать лет. Эта операция оставила глубокий след в психике девочки.

Люк знает, что теперь разгадка совсем близка. Он со вздохом открывает ящик и кладет туда свой диктофон. Его взгляд падает на именинную свечку в форме цифры 8. Восемь лет... Он осторожно поднимает свечку, подносит к носу, от нее пахнет миндальным пирожным... Взрывы смеха, развевающиеся на ветру волосы, воздушные змеи высоко в небе... Люк вздрагивает и кладет свечку обратно. Прошлое и

все, что в нем было, должно остаться далеко, далеко позади.

Он смотрит на обложку романа «Скафандр и бабочка», главный герой которого страдает синдромом «запертого внутри». Замурованный заживо... Бедная Алиса. Какую память сохранила она о дне, когда ей исполнилось десять лет, если в тот самый день ее мать сломала позвоночник, упав с лестницы, и погрузилась во мрак синдрома «запертого внутри»? Что у нее осталось, кроме невыносимого надлома психики?

Люк подскакивает от внезапного стука в дверь кабинета. Он поспешно задвигает ящик.

– Войдите!

Интерн Каплан входит, не вынимая рук из карманов:

– Ну вот, медсестра привела в порядок нашего кататоника, теперь он выглядит лучше и помоложе.

– Сколько лет на вид?

– Ну, я бы сказал, за сорок. Но он по-прежнему ни на что не реагирует. Восковая ригидность, отказ от пищи, фиксированный гипертонус. В такой позе никто не продержался бы больше десяти минут, а он уже три часа... Надо же, какой терпеливый...

Люк немедленно встает и выходит в коридор. Каплан идет за ним.

– Послушай... Мне только что поручили больную, мадам Кромбез, прелестную молодую женщину, вроде бы глуховатую. Она...

– Клиническая картина свидетельствует о нарушении по типу истерической глухоты.

– Ты ее знаешь?

Люк отвечает ему дежурной улыбкой:

– Она прекрасно слышит. Но стоит ее мужу открыть рот – все, тишина в эфире. Чтобы общаться с ней, он вынужден обращаться к детям. Никаких органических нарушений в ушах, но она действительно не слышит. Мы много чего с ней пробовали, ничего не работает. Удачи тебе!

– Вообще-то, стоит взять это на вооружение с моей подругой. Не слышать, когда мне удобно...

Второй этаж, палата А11. Люк толкает приоткрытую дверь, обходит кровать и оказывается лицом к лицу с больным. Без бороды его лицо похоже на кремневый нож, глаза глубоко запали. Психиатр отступает на шаг, Каплан замечает, что он недоволен.

– Что-то не так?

Люк трет висок:

– Не знаю. Но мне вдруг показалось, что я его где-то видел. Тебе он никого не напоминает?

Он подходит к кататонику, склоняется над ним. Убирает со лба выющиеся волосы, ощупывает левую сторону лица, потом правую. Достает из кармана цифровую камеру и делает снимок. Каплан с любопытством наблюдает за ним.

– Новое фото?

– Это чтобы приложить к истории болезни.

Люк поднимается в кабинет, распечатывает фотографию в двух экземплярах. Никаких сомнений, он уже встречался с этим взглядом, видел это лицо. Но где? И когда? Он безуспешно роется в памяти. Потом начинает искать в компьютере, просматривает истории забытых больных. Появляются ярлыки. Мужчины, около сорока... Психопаты, жертвы психических травм, страдающие депрессиями, несостоявшиеся самоубийцы...

Ничего. И тем не менее он знает, что уже видел этого человека. Но если не в больнице, то где же?

Сотрудница социальной службы Жюли Рокваль в одиночестве ест спагетти болоньезе в общем зале медицинского общежития за отделением скорой помощи клиники Салангро. Это помещение, где она обедает дважды в неделю, невероятно запущено. Повсюду тарелки с недоеденной пищей, в углах валяются огрызки фруктов, стулья заляпаны йогуртом, на стенах красуются похабные надписи. Если бы люди увидели все *это*, мифу о возвышенном мире медицины был бы нанесен существенный ущерб.

Жюли вытирает пальцы бумажной салфеткой и бросает равнодушный взгляд на экран стоящего в углу телевизора. Новости. Цены на нефть падают, планете грозит потепление, стоимость жизни растет. И что следует из всех этих драматических событий? Резкое увеличение числа больных в психиатрическом отделении. Одно цепляется за другое. Как в тарелке с этими паршивыми макаронами.

Ей больше не хочется есть.

Жюли устало опускает в карман яблоко, прощается с сидящим в кресле студентом – и вдруг понимает, что он крепко спит. Она подходит к нему и замирает. Он бос, и его ноги покрыты мелкими шрамами.

В ее мозгу раздается сигнал тревоги.

Она снова садится за стол и достает мобильный телефон.

Люк Грэхем не отвечает, тогда она звонит Каплану:

– Это Жюли Рокваль. Вы сейчас далеко от кататоника?

– Ну, не очень, как раз иду посмотреть его. А что?

– Вы не могли бы посмотреть его ноги и сообщить мне, нет ли у него порезов или заноз?

Каплан, в расстегнутом белом халате, буквально летит по коридору:

– Сообщу, как только дойду. Еще пару минут. Сейчас...

В палате кататоника Каплана ждет все та же картина: каменная статуя. Интерн приподнимает простыню над неподвижными ногами:

– Ну вот, смотрю на его ноги. Ничего. Никаких шрамов. А, нет, какие-то старые следы, им, наверное, уже много лет. А почему вы спрашиваете?

– Потому что если бы он шел по улице босиком, то обязательно бы поранился – там всюду камни, осколки стекла... Тем более что он, скорее всего, прибыл издалека, ведь никто из местных его не опознал.

– И о чем это говорит?

– Что он не пришел сам. Кто-то его нарочно там оставил.

– Оставил? Как это понимать? Вы думаете, что... что кто-то сначала пытал его, а потом подбросил нам в качестве мрачного подарка? Ох... подождите пару минут...

Каплан хмурится. Пациент двигает челюстью, словно хочет заговорить.

– Такое впечатление, что он реагирует. Он пытается...

что-то сказать.

Из рта больного вырываются икающие звуки. Звуки, складывающиеся в слово, а потом снова наступает тишина. Интерн продолжает:

– Жюли, не знаю, поможет ли это вам... Мне кажется, что я разобрал какое-то имя. Баншар, Даншар, Бланшар... да, скорее всего, Бланшар.

– Он, несомненно, пытается сказать нам, кто он такой. Спасибо вам огромное. И главное, держите меня в курсе малейших изменений.

Она отключает телефон, подносит руку ко лбу. Внезапно раздается голос, от которого она подскакивает:

– Жалко, что вы уже поели. Разве мы не условились встретиться?

Жюли поднимает глаза. Люк Грэхем ставит на стол поднос и садится напротив нее. Она искренне улыбается:

– Вы же отклонили мое предложение. Под предлогом, что у вас «много работы».

– Ах да, извините.

Жюли смотрит на часы. Люк накручивает спагетти на вилку и говорит:

– А у вас сейчас много работы?

– Вчера в травматологию доставили шестнадцатилетнюю девушку... Хотела покончить с собой, потому что, по словам подруги, ее вроде бы изнасиловал отчим.

– Вроде бы! В этом-то вся проблема. Девочка мало что

рассказывает, постоянно противоречит сама себе? Она ничего не скажет. Жертвы насилия или инцеста предпочитают хранить молчание либо из чувства стыда, либо из страха наказания...

– Я постараюсь убедить ее. С такими больными проще иметь дело, чем с шестидесятилетними. Два дня назад один тип нанес себе два удара ножом, просто от отчаяния. Не хочет ничего слышать, не выносит психиатров. И наверное, его выпишут сегодня вечером или завтра, как будто бы ничего не произошло.

Люк пожимает плечами:

– Надо смириться, нельзя же их тут оставлять навсегда против их воли. И мест не хватает, и вообще... Вы же знаете.

– Лучше кого бы то ни было.

– Кстати, приходили из службы криминалистического учета, взяли отпечатки у нашего кататоника. Я недавно звонил, у них на него ничего нет.

Жюли показывает ему на свой мобильный:

– Я только что звонила вашему интерну. Судя по всему, больной пробормотал какое-то имя. Бланшар...

Люк размышляет. Лицо кажется ему знакомым, но имя совершенно ничего не говорит.

– Это нам мало чем поможет. Знаете, сколько во Франции Бланшаров...

Люк достает из кармана последнюю фотографию кататоника, внимательно смотрит на нее.

– Подождем до завтра, до теста с ривотрилом. Нас никто не торопит. Возьмите фотографию...

Внезапно психиатр поворачивается к студенту – тот начал храпеть. Люк смеется:

– Надо же, а я ведь тоже спал в этом самом кресле. Господи, как давно это было!

– А вы где работали?

– В отделении у одного старого озлобленного хирурга, который любил оперировать под Бетховена. В операционной никому не разрешалось разговаривать. С тех пор я никогда не слушаю Бетховена.

Жюли уже не хочется уходить, ей хорошо. Она делает глубокий вдох, а потом, указывая на обручальное кольцо Грэхема, говорит:

– А знаете, не будь вы женаты, я пригласила бы вас в настоящий ресторан, где мы не говорили бы о самоубийствах, больных, операционных. Я тут пашу уже полгода и впервые вижу вас без халата.

Люк кладет вилку и отпивает глоток воды. У него перехватывает горло.

– Извините...

Он замолкает, бросает взгляд в сторону телевизора, потом уставляется в пустоту. Жюли чувствует, что в его душе что-то сломалось. Она смущенно пытается встать:

– Простите, если я...

– Я вовсе не против ресторана. Может быть, сегодня вече-

ром? Дежурства нет, очень удачно. Пошли в «Севастополь»? И это я вас приглашаю. Встречаемся там в восемь.

Жюли старается не покраснеть:

– С удовольствием, но я не знаю, где этот «Севастополь».

Понимаете, я тут недавно и...

– И мало куда ходите. Не волнуйтесь, я тоже.

Она застенчиво кивает. Люк встает и тоже кладет яблоко в карман.

– Я пришлю вам адрес по мейлу, идет?

– Вы уже уходите? Вы же не поели!

– Я пришел сюда не потому, что хотел есть.

Они долго молча смотрят друг на друга.

– Обещаю, что вечером я приду без халата.

Он уходит не оборачиваясь, почти что бегом. Студент открывает глаза и быстро растирает лицо. Жюли тоже пора уходить. Она выходит, идет на огромную, битком забитую парковку клиники Салангро. Куда ни глянь, всюду машины. Если есть на свете два места, где никогда не будет пусто, так это больницы и кладбища...

Жюли без конца прокручивает в голове фамилию. Бланшар... Увы, слишком распространенная, Люк прав. Она говорит себе, что прежде всего надо посмотреть в телефонном справочнике Ильеса и окрестностей. Потом, если потребуется, она позвонит кое-каким знакомым в полиции, чтобы они посмотрели дела пропавших без вести.

Проведя намеченные на вечер встречи с больными, она

заносит в лабораторию Биолилль конверт с образцами крови для анализа на групповую принадлежность. Один из лаборантов, Мартен Плюмуа, когда-то работал в экспертно-криминалистическом отделе полиции в Лилле и разбирается не только в пробирках.

Потом она возвращается к себе в Бетюн. Надо подготовиться к свиданию с Грэхемом. Сегодня вечером ей не хочется думать о людях, попавших в беду. Ей хочется мечтать...

Фред на своем фургоне ловко маневрирует на узких улочках Кале, время от времени беспокойно поглядывая в зеркало заднего вида. Он тщательно избегает центра города и основных магистралей, потом выезжает на дорогу, идущую параллельно дамбе в направлении паромного причала.

Алиса судорожно вцепилась в ручку дверцы:

– Вы так быстро едете. Чего вы боитесь?

– Полиции, она нас не очень-то любит.

Справа в канале возле буя останавливается паром компании «Sea France» с надписью «Keep wheel on the West»⁴. На набережной стоят автомобили с английскими номерами, ящики, наполненные под завязку спиртным и сигаретами.

– Здесь каждый день собираются десятки эмигрантов вроде Самсона.

– Как палестинцы в Ливане.

– Нет, тут все иначе. Ты говоришь о Ливане, где в конфликте сам черт ногу сломит, и совершенно не знаешь, что происходит в нескольких километрах от твоего дома?

– Мой отец был очень известным репортером, правда уже давно. Очень известный человек в своей профессии, понимаете? Он ездил по всему миру и находился в Ливане во вре-

⁴ «Руль на запад» (англ.).

мя войны.

– Был? А что с ним сейчас?

– Он работает дома. У него маленькая фламандская ферма между Аррасом и Лиллем, там есть сарай, коровник на двух коров, сад. Он выращивает овощи, скот, ведет там все хозяйство.

– Папуля решил спокойно пожить после Ливана. А ты давно тут?

– Около года назад я переехала в квартирку в Булонь-сюр-Мер. Раньше жила на ферме.

– Сколько же тебе – двадцать пять, двадцать шесть? И ты всегда жила с родителями?

– Я помогала отцу.

Алиса смотрит на горизонт, потом на вырисовывающиеся вдали берега: там Англия. Они проезжают последние причалы, потом углубляются все дальше в промышленную зону, где стоят химические и металлургические заводы. Запах битума, дым, серые строения. Фред медленно качает головой:

– Нам ни к чему ездить в Ливан. Нищету можно увидеть прямо здесь, в двух шагах от красивых отелей и от пляжа. А в тридцати километрах, там, за морем, – земля обетованная.

Фред едет по набережной вдоль Луары. Его пассажирка с удивлением смотрит на трех иностранцев, забившихся в телефонную будку. Вязаные шапки, перчатки, странная одежда. Фред объясняет, что они ведут переговоры со своими перевозчиками, которые, как правило, находятся в Англии.

– А что вы...

– Прошу тебя, кончай «выкать». Здесь никто ни к кому на «вы» не обращается.

– Простите... Я хотела спросить, что ты делаешь с этими беженцами?

– Они тут задерживаются в среднем недели на три. А мы, наши объединения, помогаем чем можем. Еда, одежда, помыться, первая помощь, если надо. Мы не поощряем незаконные перевозки или иммиграцию, но нельзя же их бросить, понимаешь?

Фургончик останавливается возле сгоревшего торгового павильона рядом с железнодорожными путями, на которых стоит множество мужчин и женщин.

– Подождем здесь. Они называют это место «хижиной». Скоро добровольцы начнут раздавать горячую еду. Соберутся все беженцы. И если среди них будет Самсон, я увижу.

Он включает старую автомагнитоу, ловит станцию «Ностальжи». Песня «Море» Шарля Трене. Если бы Трене знал, на что похоже сегодняшнее море! Алиса легко проводит по стеклу пальцами с коротко подстриженными ногтями.

– С удовольствием бы занималась таким делом. Помогала бы людям...

– Я не только в объединении вкалываю, еще я работаю в больнице в Кале.

– Ты врач?

– Техническое обслуживание. Ну, ты понимаешь, уборка

помещений и всякого дерьма, когда все спят... Везде кто-то стрижет лужайки, а кто-то играет на них в гольф. Угадай, к какому разряду я отношусь.

Фред задумчиво катает в пальцах сигарету.

– А в чем конкретно твоя проблема? Ну, я имею в виду провалы в памяти?

– Понятия не имею.

– Мне ты можешь доверять. Я уже привык выслушивать недомолвки и недоговорки, я, если можно так сказать, человек, к которому идут за последней надеждой. И это не вчера началось.

Алиса не разжимает губ. Фред пытается разговорить ее:

– Я читал психологические романы, жизненные истории. Когда речь идет о психиатрии, всегда ищут связь с детством. Взять моего папашу – он мне навешивал таких оплеух, ты себе представить не можешь. – Он вздрагивает, потирает левое предплечье, потом продолжает: – Наверное, если целый день плющить сталь на заводе «Юзинор», у рабочего человека крыша съезжает. Но тогда меня это особо не волновало. Во всяком случае, мне так кажется. Я же выгляжу нормальным, да?

В глазах Алисы отражается свет, она не хочет, чтобы Берди вернулся, чтобы он бился об ее голову, хватал ее когтями. Она еще больше напрягается. Фред замечает ее состояние.

– Тебе неприятно говорить об отце или о детстве, я правильно понял?

– Не знаю.

– Он тебя наказывал?

Она колеблется, а потом отвечает, как будто бы искренне:

– Не часто. Папа нас иногда ругал, но он ни разу никого не ударил.

– Тебе повезло. У нас с отцом было иначе. Он бил без разговоров.

Алиса отворачивается к окну. Люди на рельсах, на мосту, на берегу собираются в группы по национальному признаку. Афганцы, африканцы, иракцы, иранцы... Алиса помнит нищие горные деревушки в Перу. Единственные их с отцом каникулы. Вечная борьба за выживание, надо идти вперед, не жаловаться, надеяться, что завтра будет лучше. Нищета всюду одинакова, что здесь, что где-то еще.

– Хочешь узнать, почему я уехала с фермы?

– Расскажи... Конечно, если хочешь...

– Мне было необходимо проконсультироваться у психиатра, у меня давно уже проблемы, знаешь, как если вдруг проснешься ночью и чувствуешь опасность. Ферма превратилась в тюрьму, она меня подавляла, я понимала, что, если я там останусь, лучше мне не станет.

– А почему, знаешь?

– Что самое странное, не знаю. Я просто чувствовала, что должна уехать, оказаться подальше от того, что меня пугало.

– А что именно?

– Это так глупо... Коровник, сарай... Я... – Она пожимает

плечами. – Что касается сарая, я была уверена, что в нем прячется кто-то вроде людоеда и что он хочет причинить мне вред. Я называла его Берди. Папа пытался меня успокоить, говорил, что его не существует, но ничего не получалось.

– Ну, дети очень часто боятся людоедов. У меня был *черный человек*. Я всегда боялся слухового окна у себя в комнате, потому что иногда мне там мерещилось его лицо.

– Ну да, но мне-то уже двадцать пять, а у меня до сих пор эти кошмары.

Молчание. Фред пытается ободрить девушку:

– Я, конечно, не аббат Пьер⁵, но я тебе вот что скажу: если тебе хочется поработать, хочется изменить обстановку, нам люди нужны.

– Правда?

– Да, правда. Тебя это устроит?

Она радостно улыбается:

– Конечно!

– Будет нелегко, но тебя будут кормить, жить, если хочешь, можешь у меня, а от своей квартиры откажешься. И главное, сможешь помогать людям. Хорошая терапия, а? Нищета – вещь невеселая, но это так здорово – делать людям добро, делить с ними кусок хлеба и понимать, что мир на самом деле не ограничивается Францией.

Впервые за долгое время Алиса чувствует, что может рас-

⁵ *Аббат Пьер* – французский католический священник, основавший международную благотворительную организацию «Эммаус».

слабиться. Конечно, все дело в том, что у Фреда такой мягкий голос, а его взгляд ее действительно успокаивает.

Недалеко от них останавливается другой грузовичок. Из него выходят двое мужчин и женщина, в руках у них кастрюли, из которых поднимается пар. Тени приближаются.

Фред показывает пальцем:

– Смотри-ка, Самсон вон там, за палаткой! Вот подфартило! Пошли!

Они перебегают дорогу и смешиваются с толпой. Эти люди словно зависли между двумя мирами, в пространстве, где царят усталость, воровство, ссоры, страх. Поздоровавшись с добровольцами и знакомыми беженцами, Фред направляется к парню из Эритреи. Самсон обут в грубые башмаки, на спине у него большой рюкзак. На угольно-черную голову натянута вязаная шапка. Белки глаз желтоватые, что свидетельствует о проблемах со здоровьем.

Он недоверчиво смотрит на Алису и приветствует Фреда. Доброволец произносит несколько фраз по-английски, потом отступает на шаг, и молодая женщина оказывается лицом к лицу с высоким чернокожим парнем, не внушающим особого доверия.

– Ну! Задавай свои вопросы!

Алиса опускает глаза:

– Я... я не говорю по-английски. Ни слова не знаю.

– Ты шу... Нет, ты не шутишь... Ну ладно, ты не говоришь по-английски. Ты с ним трепалась два дня, но ты не

говоришь по-английски... О'кей, о'кей... И наверное, ты хочешь, чтобы я спросил его, о чем вы разговаривали?

Алиса кивает. Афганки с мисками супа, сосисками, буханками хлеба проходят мимо нее и удаляются по рельсам. Фред, взяв на себя роль переводчика, пересказывает слова Самсона:

– Он рассказывал тебе о своей стране, о своих бесконечных скитаниях, рассказал, как побыл недолго в Англии, а потом жил в Канаде. Кстати, сегодня вечером он уедет, и мы его больше не увидим. Он бежал с родины из-за войны и...

– А я? Я о себе рассказывала?

Фред задает вопрос, потом пытается припомнить и как можно точнее передать услышанное.

– Ты рассказывала про свою собаку, про женщину в инвалидном кресле. Это твоя мать?

Алиса растерянно кивает. Молодой человек в бандане снова поворачивается к Самсону. Тот продолжает свой монолог, и Фред, нахмурившись, склоняет голову немного набок.

Когда он оборачивается к Алисе, у него что-то зажато в руке. Фотография. Алиса наклоняется:

– Что? Что это такое?

– Это... то самое, что ты дала ему на память, чтобы пожелать ему удачи.

В этот момент по площадке возле набережной словно проносится ураган. Беженцы с криками разбегаются в разные

стороны и исчезают. Добровольцы поспешно убирают свои полупустые кастрюльки. Люди бегут, плачут, кашляют. Слезоточивый газ. Раздается усиленный мегафоном голос, командующий по-английски: «Всем разойтись! Здесь стоять запрещено!»

Алиса чувствует, как в общей суматохе чья-то рука хватается ее за запястье, и начинает вопить.

– Это я! – кричит Фред, не отпуская ее. – Уходим, скорее, бежим!

Молодая женщина уже вдохнула газ, у нее щиплет глаза, она сжимается в комок, и Фреду приходится силой срывать ее с места.

– Не отставай!

На дороге раздаются автомобильные гудки, хлопают дверцы полицейских машин и фургонов спецназа, царит полная неразбериха. Алиса ничего не видит, у нее першит в горле, она улавливает только, как заводится двигатель, а когда ей удастся открыть глаза, она уже на бульваре, возле церкви Богоматери. Фред гладит ее по залитой слезами щеке:

– Ну как, получше?

– Что случилось?

– Ты ничего не помнишь? Газ? Как мы смывались?

– Нет, ничего. Совсем ничего.

– Опять твоя черная дыра?

– Мне плохо, Фред, мне...

Фред быстро припарковывает машину, отламывает гор-

лышко у ампулы с физраствором и заливает его в красные воспаленные глаза Алисы.

– Не двигайся. Помогай глазами, и все пройдет. Бедненькая. Ты же, наверное, понятия не имеешь, что такое слезоточивый газ? Добро пожаловать в прекрасный реальный мир.

– Самсон...

– Все кончено, его мы больше не увидим.

На щеках Алисы блестят слезы вперемешку с физраствором.

– Фотография. Дай мне эту фотографию.

Фред трогается с места, включает поворотник и заезжает на улицу с односторонним движением. Он уже оправился от химической атаки, слезы больше не текут, голос нормальный. Он вынимает снимок из кармана и протягивает Алисе:

– Эта женщина провела у меня дома два дня.

Его голос меняется, становится более строгим.

– Это ведь ты?

Алиса берет снимок. Женщина стоит очень прямо, слегка вздернув подбородок. Волосы собраны в пучок, светлая куртка, сиреневый шарф, очков нет. Алиса чувствует, что падает в пропасть. Вся дрожа, она переворачивает фотографию.

На обороте изящным почерком написано: «Доротея Дехане, 14 марта 2007 года».

Теперь Алиса чувствует, что с головокружительной скоростью летит в пропасть. Она съезживается на сиденье, ей ка-

жется, что черепная коробка сейчас взорвется. Да, она падает. Внутри все словно переворачивается, стремясь вырваться из тела. Горло перехватывает, легкие вот-вот лопнут.

А потом шум уличного движения, рокот мотора, вибрация – все исчезает.

Черная дыра.

В клинике Салангро Мирабель Брё открывает правую ногу Клода Дехане и осторожно ее массирует. Клод закрывает глаза от удовольствия:

– О боже, Мирабель, как хорошо! И ты так долго не приходила!

– Ты же знаешь, я не всегда свободна.

Клод бросает взгляд в сторону двери и снова закрывает глаза. Наконец-то у него нет ощущения, что он заперт в стерильной тюрьме. Тепло этих рук, их нежность, привычный ритуал массажа...

– Мне сегодня вечером обязательно надо уехать. Убраться отсюда. Завтра вечером поеду к жене в Берк и проведу с ней выходные. Ты приедешь с нами повидаться? Обещаешь?

– Если будет время. У меня много работы, ты же знаешь. А ты мог бы время от времени заходить ко мне. Два-три километра пешком через поле – это тебя не убьет.

Клод вздыхает, запускает жесткие пальцы в растрепанные волосы молодой женщины и ласкает ей затылок.

– Как странно, я чувствую, что ты... далеко. Что-то не так?

Мирабель встает, поворачивается спиной к Клоду и смотрит на свое отражение в окне. У нее черные глаза, пухлые губы, круглые щеки, покрытые веснушками, короткие рыже-

ватые волосы.

Она говорит с упреком:

– Что за ерунда с этими твоими ножевыми ранами? Я говорила с врачом, и ему кажется, что все было не так, как ты рассказываешь. Он считает, что ты не просто так поранился. Зачем ты это сделал?

Клод встает и подходит к ней сзади. Он маленького роста, она на несколько сантиметров выше. Он кладет руки ей на плечи:

– Ты все реже приходишь повидаться со мной, Мирабель. Вот в этом-то и вся беда... Все так изменилось после отъезда Алисы. Мою маленькую семью словно разметало. Мне так ее не хватает.

Мирабель поворачивается, сжимает кулаки. Ее голова чуть откидывается назад.

– Не говори мне про нее. Раз Алиса уехала с фермы, так тому и быть. Алиса делает что хочет, я делаю что хочу, все делают что хотят, правда?

– Мирабель, я боюсь, когда она далеко от меня, и когда ты далеко от меня, тоже боюсь. Я боюсь, что ты поранишься, что ты...

– Я не поранюсь, я в жизни не ранилась. А вот ты бы лучше следил за собой. Не я же в больнице!

Клод гладит ее по лицу, целует в лоб, как отец поцеловал бы дочку.

– Хорошо бы поговорить с Доротеей. Мне кажется, что

она что-то замышляет, и мне это не нравится.

– Я не знаю, где она. Если хочешь знать, я за ней не слежу.

Клод отходит, и Мирабель начинает расхаживать по комнате. По телевизору идет фильм Виктора Флеминга «Доктор Джекил и мистер Хайд». Клод внимательно смотрит, как доктор Джекил приходит на помощь проститутке Айви Парсонс, пострадавшей от рук бродяги. Он резко поворачивается к Мирабель:

– И ты тоже, по-моему, что-то замыслила. Против меня. Я могу надеяться, что ты никогда меня не предашь?

Чтобы скрыть раздражение, Мирабель делает вид, будто поглощена событиями, разворачивающимися на черно-белом экране.

– Что ты имеешь в виду?

– Детали, которые ты могла бы рассказать психиатру Грэему. Подробности о *внутреннем мирке Алисы*.

Мирабель вздрагивает. *Внутренний мирок Алисы...* Она ненавидит, когда он произносит эти слова. О чем бы они ни разговаривали, он всё и всегда сводит к Алисе. Она далеко, но только о ней он и может думать.

– Нет-нет, никогда. Зачем ты такое говоришь?

– Потому что вот уже несколько дней, как творится что-то странное. Я знаю, что Доротея тоже с ним встречается. И она рассказывает неправду. Но ты, Мирабель, ты-то хотя бы с этим врачом не видишься?

– Конечно нет.

Мирабель неловко складывает ладони у груди. Клод – самый милый человек на свете, но за какую-то долю секунды его может обуять дикая ярость.

Теперь он с силой сжимает ее запястья. Потом приближает губы почти вплотную к ее рту.

– А почему мне вдруг показалось, что ты мне лжешь? Ты знаешь, как наказывают за ложь?

– Клянусь, я не лгу тебе!

Клод отходит, останавливается в противоположном углу комнаты, его лицо остается в тени.

– От души надеюсь. Потому что ты ведь знаешь, что может случиться, Мирабель? С тобой, как и с другими?

Молодая женщина с силой растирает руки, ей бы очень хотелось выйти, глотнуть свежего воздуха. Клод вдруг заговорил холодно, резко. Она вбегает в ванную, ополаскивает лицо. Потом смотрится в зеркало. Когда она выходит, Клод снова встает за ее спиной:

– Привези сюда Доротею, да побыстрее...

Жюли, сидя в кабинете бывшего мужа перед компьютером, пьет томатный сок. В этой комнате, откуда еще не выветрился запах сигарет, у нее есть все необходимое: ноутбук, кресло, торшер и пепельница, которую она так и не убрала. Филипп тоже курил, причем слишком много.

Поиски в интернете особой пользы не принесли. В департаменте Нор-Па-де-Кале проживает более четырехсот Бланшаров, если, конечно, она правильно написала фамилию, а кататоник произнес именно ее. Проще найти иголку в стоге сена. Наконец она сдастся и прекращает поиски. Теперь вся надежда на этот чудо-препарат – ривотрил. Завтра он раскроет все тайны.

Жюли встает и идет в спальню. Уже почти половина шестого, пора собираться в ресторан. Она не удержалась и посмотрела в интернете сайт ресторана. Одна звезда в ресторанном путеводителе «Мишлен», строгий интерьер, хорошие вина в меню. Люк, в отличие от ее бывшего, не признает полумер.

Постояв в задумчивости перед раскрытым шкафом со слегка устаревшими нарядами, она в конце концов выбирает облегающее, но не обтягивающее черное платье. Потом берет пару строгих лодочек и подходящую к ним сумочку. Она должна возбуждать желание, а не провоцировать. Люк Грэ-

хем женат, и она идет с ним не для того, чтобы разжечь его или провести вместе ночь. С нее уже и так довольно любовных разочарований.

Прическа, духи, довольно темная помада – она чувствует себя красивой, и это ее радует. Она все больше нервничает, и от этого ей хочется курить. Жюли хватает пакетик с лимонной жевательной резинкой. О чем они будут говорить вечером? Она совершенно не знает, что собой представляет Люк Грэхем вне стен клиники, но ей кажется, что он симпатичный человек: преданный своей работе, не слишком современный, немного неловкий с женщинами.

Не зная, чем себя занять, Жюли ходит взад и вперед. Нетерпение все нарастает, и она решает выехать немедленно. Еще рано, но она может воспользоваться случаем и выпить бокал в ожидании Люка. Белый martini – это успокаивает. Она не боится пьяных типов весом под сто двадцать кило и кипящих ненавистью семей, но Люк Грэхем – это нечто иное. Его пронизательные серо-голубые глаза излучают внутренний покой и прямо-таки гипнотическую силу.

В тот момент, когда она берет ключи от машины, звонит мобильный. На экране высвечивается имя «Тьерри Воске» – это сотрудник уголовного розыска Лилля. Жюли торопится ответить на звонок. Днем она просила его узнать, не числится ли человек по фамилии Бланшар среди пропавших без вести.

Ничего найти не удалось...

К несчастью, но к счастью для мужчины с проницательными серо-голубыми глазами.

Люк заканчивает одеваться в ванной. Надо хорошенько проверить, чтобы все пуговицы были застегнуты как следует, особенно на манжетах. От него пахнет «Фаренгейтом» – туалетную воду ему подарила Анна. К счастью, духи не портятся. Они испаряются...

В тесном помещении с выложенными плиткой стенами гулко звучит голос Алисы. Старый магнитофон оживляет воспоминания девушки. Люк отлично помнит, как проходил этот сеанс психотерапии. Алиса начинала доверять ему, не пропускала сеансов, и ее стало легче разговорить.

– ...И потом, папа не хотел показывать меня специалистам, никогда не хотел.

– Почему?

– Он считает, что психиатры занимаются умственно отсталыми, дебилами, помещают их в клиники, откуда им уже не выйти. Он говорил, что всем должен распоряжаться Бог, без всяких лекарств, без мучительного лечения, без ограничения свободы мысли и так далее и тому подобное. И из-за того что он слишком оберегал меня, он меня и потерял.

– Насколько я понял из ваших слов, ваш отец – очень верующий католик. А случались дни, когда он не молился?

– Нет, никогда. Иногда он даже молился много раз в день. Он молился за меня, за маму. За Доротею, за Мирабель, за всех на свете... Он любит Господа и хочет, чтобы все люди любили друг друга. У него... довольно примитивный образ мыслей.

– И он считал, что вы вполне здоровы?

– Думаю, он хотел убедить себя, что это так. Например, он все время сообщал мне какие-то научные факты. С какой скоростью бегают зайцы, как называются звезды и где они расположены на небе, про скорость ружейной пули, сезонные циклы, генетические эксперименты и информатику... Он подписывался на кучу журналов и заставлял меня их читать. Другие дети этого не учили. Он старался, он гордился мной, когда я все это рассказывала. Он говорил маме: «Смотри, какая у нас умная дочка!» Но мама, разумеется, никогда не отвечала... И еще он все время заставлял меня рисовать, потому что я действительно была очень способная.

– А Доротея? Ее тоже заставляли все это учить?

– Нет, ее он не трогал, по большей части он вообще не обращал на нее внимания... Все равно рисовать она не умела. Зато у нее были хорошие отметки по математике и по разным другим предметам. Я в математике полная дура.

– Вы помните уроки математики?

– Нет. Ни математику, ни историю...

– Совсем ничего не помните?

– Совсем ничего. Я даже не могу вам сказать, как звали учителей.

– На сегодня у меня еще два вопроса, Алиса. Почему отец позволил вам обратиться к психиатру, если он был против?

– До того как прийти к вам, я была на краю пропасти, у него не оставалось выбора... Потому что если бы я не, я не...

– Вы бы причинили себе зло?

– Думаю, да...

– ...И последний вопрос. А вы знаете, почему он выбрал именно меня, чтобы лечить вас?

– Совсем не знаю. Наверное, потому, что вы хороший психиатр. Самый лучший...

Самый лучший психиатр... Люк со вздохом выключает магнитофон. Вдруг раздается стук в дверь.

– Иду!

Он отпирает и тут же распахивает дверь. И широко открывает глаза от удивления.

– Привет, доктор... Надо же, какой ты красивый.

Перед ним в дверном проеме стоит молодая женщина. Серая куртка, сиреневый шарф, волосы собраны в пучок.

– До... Доротея?

Не дожидаясь приглашения, Доротея Дехане входит и захлопывает за собой дверь. Она закуривает, сжимая в руке зажигалку. Погода на улице изменилась. Идет дождь, остав-

ляя на асфальте неровные круги.

– Не представляешь, как трудно стрелять сигареты на улице, особенно под дождем. В лицее было проще. Ребята там никогда не отказывали, и ты знаешь почему. Он тебе даст сигаретку, а ты ему позволишь залезть в трусики... У тебя выпить не найдется?

– Чего вы хотите?

Она садится в кресло, как будто у себя дома. Грэхем не двигается.

– Простите, Доротея, но я должен уйти.

Она выдыхает дым через нос и всем своим видом выражает нетерпение.

– Ладно, теперь о серьезном. В квартире Алисы, в душевой кабине, я кое-что нашла. Кое-что странное...

Люк Грэхем отходит, смотрит в окно, опускает жалюзи и зажигает лампу.

– Что значит «кое-что»?

Доротея встает. Откинув перед зеркалом прядь темных волос со лба, она щелкает пальцами с длинными накрашенными ногтями. Потом резко оборачивается и гасит сигарету в пепельнице на ножке.

– Что значит? Блузку, всю в крови.

Люк чувствует, как у него обрывается сердце.

– Вы шутите?

– Что, похоже? Мой отец в Лилле, в больнице Салангро. Его выпишут сегодня вечером или завтра. Врачам он расска-

зывает, что дважды ударил себя ножом в грудь – пытался покончить с собой. В тот же вечер, когда вы проводили тестирование.

Люк Грэхем не может скрыть изумление. Он вспоминает рассказ Жюли. Попытка самоубийства. Значит, это был Клод Дехане.

– Чушь! Это неправда!

– Он убежден, что это я на него напала. Что случилось на тестировании? Что ты сделал с моей сестрой?

– После теста визуальной стимуляции Алиса очень плохо себя почувствовала, чуть не потеряла сознание. Мне не удалось поговорить с ней, она замкнулась. Она выбежала из лаборатории, промчалась через приемное отделение и уехала на машине, а я так и остался смотреть ей вслед. Я два дня пытался связаться с ней, но безуспешно. Однако прошлой ночью она оставила мне сообщение на автоответчике, это меня обнадеживает.

Он прикрывает глаза.

– А вы считаете, что это сделала Алиса?

Доротея снова щелкает пальцами:

– Ну, может быть, Берди. Тот самый, которого ты вытащил из ее головы во время тестирования. Я же тебя предупреждала – он может напасть.

Люк внимательно смотрит на нее:

– Я не могу найти ни диск с записью тестирования, ни фотографии – ваши, Алисы, других больных... Вечером после

тестирования кто-то проник в дом.

– И что это значит? Ты меня считаешь воровкой? А почему меня, а не Алису?

– Она не знает, где я живу. А вот вы – я знаю, вы за мной следите, ходите перед моим домом, часто бываете в моем саду. Хватит наблюдать за мной, Доротея. Это ни к чему не приведет.

Девушка подходит ближе и смотрит ему прямо в глаза:

– Неправда, это поможет узнать, что ты там вытворяешь с моей сестрой...

Люк Грэхем вздыхает:

– Я хочу только одного – вылечить ее.

Доротея ходит взад-вперед. Теперь она выглядит обеспокоенной.

– Знаешь, отец не хочет неприятностей с полицией и не хочет, чтобы кто-то заглядывал во *внутренний мирок Алисы*. Поэтому он ничего не скажет. Но когда он выйдет из больницы, то может начать сводить счеты. Прежде всего с тобой. Думаю, отец тебя здорово не любит. И это еще мягко сказано.

Она мрачно смотрит на него:

– Отдай мне мой дневник. Я боюсь, что все это плохо кончится, я не хочу проблем. Я завяжу со всем, не буду больше прятаться. Мне это все осточертело.

Люк с силой трет лоб. Доротея, в отличие от Алисы, существо горячее, ее голыми руками не возьмешь.

– Сейчас вы не можете меня подвести, я должен дойти до конца. Ради вас и ради Алисы. Мы почти у цели, Доротея.

– Я сказала: мой дневник.

Люк подходит к ящику и протягивает ей стопку исписанных листов. Доротея стискивает зубы.

– Это... это ксерокс! Плевать я хотела на ксерокс! Отдай оригинал!

– Он не здесь, а на работе.

Он кладет руку ей на спину, подталкивает к двери.

– Послушайте, Доротея, я обещаю скоро заняться вами. Я придумал, как рассказать вашей сестре о том, что вы живы, не навредив ей еще больше. Но надо сделать то, о чем мы договорились, надо дойти до конца. А когда у Алисы восстановится память, все будет хорошо.

Она грозит ему пальцем:

– Только поосторожнее, ладно? Я не очень-то люблю Алису, но не могу видеть ее в таком состоянии, она же совершенно с катушек съехала. Это моя сестра.

И она уходит, такая же, как всегда: прямая, гордая. Ее машина резко трогается с места.

Оставшись один, Люк берет забытый ею сиреневый шерстяной шарф и утыкается в него носом. Можно сказать, что весь мир ополчился против него. Если Доротея и Мирабель испугаются, дорога к исцелению станет еще труднее. Год лечения может пойти насмарку.

«Думаю, отец тебя здорово не любит. И это еще мягко ска-

зано». Люку становится не по себе. Он никогда не видел Клода Дехане, но много слышал о нем. И он знает, что этого человека все должны бояться.

Доротея, по-прежнему вне себя от злости, резко тормозит машину где-то за городом, отъезжает на обочину и смотрит на листки бумаги, лежащие на пассажирском сиденье. Ее личный дневник, описание трех лет ее жизни. Она сожалеет обо всем, она сожалеет о том, что встретила с Люком Грэхемом, она сожалеет о том, что сказала об отце и своей жизни на ферме.

Она чувствует, что пропала. Ей не следовало доверять свой дневник Грэхему, не следовало так открываться перед ним. Если отцу каким-то образом станет известно о существовании этих записей и о том, какие тайны они скрывают, то...

Она вынимает из-под сиденья зажигалку, собирает листки в стопку, выходит из машины и отходит в сторону. Это тоже надо сжечь. Обязательно.

Она подносит огонек к бумаге, и та сразу вспыхивает. Наблюдая за тем, как обгоревшие листки разлетаются, словно бабочки, она думает о собственной жизни. Ей тоже хотелось бы улететь, снова увидеть городские огни. Ей кажется, что она пропустила все на свете.

Она зажигает последнюю сигарету, которую стрельнула у прохожего. Зрелище исчезающих страниц успокаивает, но это лишь копии, а оригиналы по-прежнему остаются в каби-

нете психиатра. Надо как можно скорее получить их. Она до сих пор боится отца. Даже когда он в больнице. Даже если его запрут в самую глухую темницу, ничего не изменится.

Она уходит, а огонь пожирает следы ее прошлого.

Бумага чернеет, но на двух страницах, которые вот-вот прекратят свое существование, еще можно прочесть:

7 июля 1995 года

Дорогой дневник!

Ого! Я увидела, что последний раз сделала запись в начале мая! Неужели меня не было так долго? Не волнуйся, я все наверстаю. Когда тебе почти тринадцать, у тебя есть много чего рассказать, но совсем нет на это времени.

Папа все время ходит по участку, что-то считает, рассчитывает, записывает. Я немного порылась и нашла в кармане его охотничьей куртки чертеж. Он собирается купить на рынке двух коров и построить для них коровник. Боюсь, что наш дом превратится в настоящую ферму. Да, сейчас папа все время что-то покупает. Новенький морозильник, новый телевизор и один из самых современных телефонов, с кнопками, просто гениальный! Он объяснил, что после несчастья с мамой мы получим какие-то деньги, ну и тем лучше для всех нас, может быть, у меня будет новый велосипед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.